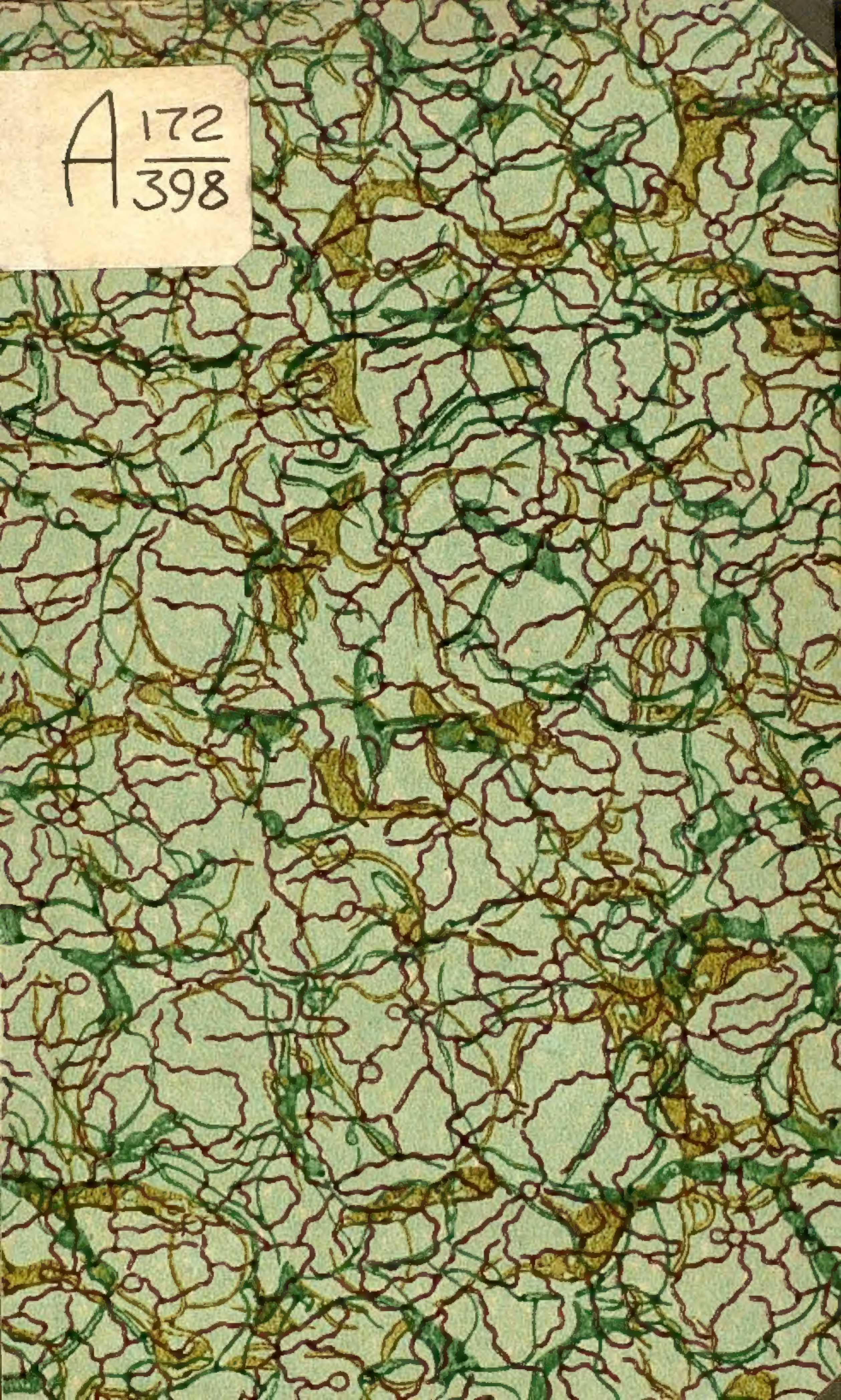

ХРИСТІАНСТВО,

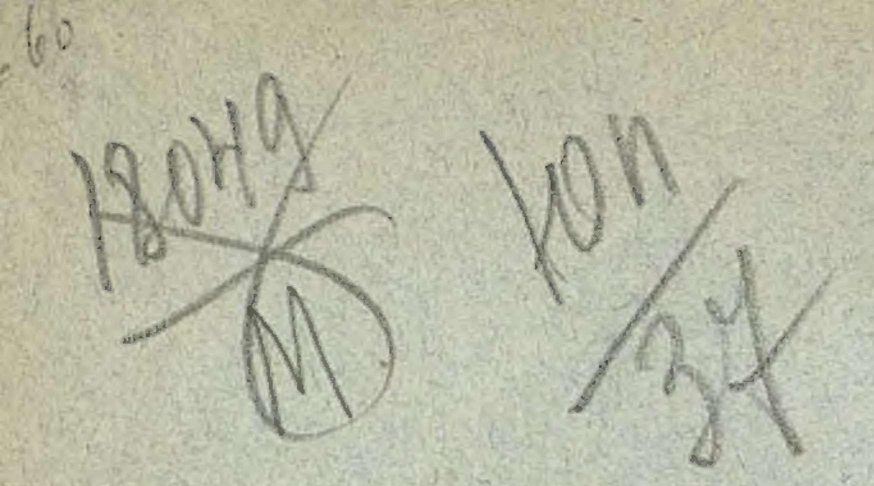
МАГОМЕТАНСТВО И ЯЗЫЧЕСТВО

ВЪ

ВОСТОЧНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ РОССІИ.

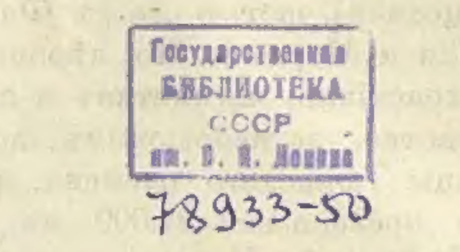
Б. Юзефовичъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.
1883.

2007237579

ХРИСТІАНСТВО, МАГОМЕТАНСТВО И ЯЗЫЧЕСТВО

ВЪ ВОСТОЧНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ РОССІИ.

(КАЗАНСКАЯ И УФИМСКАЯ ГУБЕРНІИ.)

I.

Восточныя губерніи Россіи, какъ извѣстно, населены въ значительной степени мѣстными инородческими племенами, составляющими въ Казанской губерніи 56,4%, а въ Уфимской губерніи 63,2% всего населенія означенныхъ мѣстностей.*

---

* По статистическимъ даннымъ, относящимся къ 1879 году, племенное распредѣленіе населенія Казанской и Уфимской губерній выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

а) *въ Казанской губерніи:*

Русскихъ	812.895 —	43,4%
Иностранцевъ	3.923 —	0,2 —
Татаръ	569.304 —	30,4 —
Чувашей	362.727 —	19,3 —
Черемисовъ	98.121 —	5,2 —
Мордвы	16.288 —	1,0 —
Вотяковъ	9.179 —	0,5 —
Всего	1.872.437 —	100%

По происхожденію восточные инородцы наши принадлежатъ частью къ Тюркскому племени (Татары, Башкиры, Тептяри и Мещеряки), частью же къ Финскому (Чуваши, Черемисы, Вотяки и Мордва). По вѣроисповѣданію они раздѣляются на христіанъ, магометанъ и язычниковъ.

Магометанство, за небольшимъ исключеніемъ, исповѣдуютъ инородцы Тюркскаго племени, между коими число крещеныхъ не превышаетъ 27.000 въ Уфимской губерніи и 40.000 въ Казанской. Прочія инородческія племена оффиціально подраздѣляются лишь на двѣ группы—на христіанъ и язычниковъ. Первыхъ (инородцевъ христіанъ) насчитывается:

въ Казанской губерніи	475.783.
въ Уфимской „	55.200.

Число язычниковъ равняется:

въ Казанской губерніи	10.531.
въ Уфимской „	81.100.

Ближайшее знакомство съ дѣломъ показываетъ однако что эти данныя не вполнѣ согласуются съ дѣйствительностью, и что языческія суевѣрія и даже магометанство не вполнѣ чужды инородцамъ числящимся христіанами.

Первыя попытки систематическаго водворенія христіанства въ Заволжскомъ краѣ сдѣланы были въ половинѣ XVI столѣтія, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, вскорѣ послѣ окончательнаго присоединенія Казанскаго Царства къ Россіи. Энергическая миссіонерская дѣятельность Русскаго правительства въ эту эпоху сохранилась въ народной памяти и понынѣ. Имя Грознаго, въ средѣ мѣстныхъ крещеныхъ инородцевъ, до сихъ поръ еще пользуется огромною популярностью и встрѣчается въ большинствѣ ихъ

б) въ Уфимской губерніи:

Русскихъ	597.900 —	$36._8$%
Башкиръ	455.700 —	$28._0$—
Тептярей	189.750 —	$11._7$—
Мещеряковъ	138.900 —	$8._5$—
Татаръ	107.300 —	$6._6$—
Черемисовъ	61.600 —	$3._9$—
Чувашей	41.600 —	$2._5$—
Мордвы	16.700 —	$1._0$—
Вотяковъ	16.400 —	$1._0$—
Всего	1.625.850 —	100%

народныхъ сказаній и пѣсенъ, изъ которыхъ видно однако что средствами къ распространенію между ними ученія Христа не всегда служили однѣ только мѣры кротости и убѣжденія. Впрочемъ и законодательство того времени показываетъ что для поддержанія успѣховъ вновь водворявшагося религіознаго ученія признавалось полезнымъ разрушеніе мечетей, изгнаніе магометанъ изъ мѣстностей населенныхъ вновь крестившимися и вообще ограниченіе ихъ правъ какъ въ отношеніи избранія ими мѣста жительства, такъ и относительно постройки мечетей по близости церквей.

Такая система введенія христіанской цивилизаціи среди мѣстныхъ язычниковъ и магометанъ дѣйствовала въ теченіе полутора столѣтій, въ теченіе коихъ не издано ни одного закона отмѣняющаго или смягчающаго помянутыя ограниченія и строгости. Въ какой степени средства эти оправдывались успѣхомъ самаго дѣла, сказать довольно трудно, по недостатку положительныхъ свѣдѣній относящихся къ этому предмету. Болѣе же достовѣрный историческій періодъ нашей миссіи на Востокѣ начинается уже въ XVIII вѣкѣ, когда просвѣщенные труды на поприщѣ христіанской пропаганды Казанскихъ архипастырей Тихона и Сильвестра, обратившіе на себя вниманіе правительства, подали этому послѣднему мысль организовать въ Казанской епархіи правильное и постоянное миссіонерское общество.

Какъ средство для распространенія круга дѣятельности этого общества, въ 1731 году учреждена была при Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ коммиссія для крещенія казанскихъ и нижегородскихъ мусульманъ и другихъ инородцевъ, во главѣ коей поставленъ былъ іеромонахъ Алексій Раифскій, извѣстный уже въ то время своими услугами миссіонерскому дѣлу.

Посвященный въ санъ архимандрита, поставленный въ непосредственное вѣдѣніе Св. Синода и обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, отецъ Алексій имѣлъ возможность смѣлѣе проводить въ жизнь выработанныя имъ продолжительною миссіонерскою практикой начала. И дѣйствительно, съ этихъ поръ въ пріемахъ миссіи стала замѣтна систематическая послѣдовательность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принявъ за основной принципъ необходимость распространенія среди инородцевъ образованія какъ наиболѣе раціональнаго

средства къ упроченію истинно христіанскаго просвѣщенія отецъ Алексій составилъ по этому предмету особый проектъ, который препроводилъ въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему избрать изъ способныхъ мальчиковъ инородцевъ 20 человѣкъ для приготовленія изъ нихъ будущихъ священниковъ, о назначеніи къ нимъ учителя и обезпеченіи этой первой христіанской школы необходимымъ содержаніемъ. Въ видахъ поощренія этихъ будущихъ ставлениковъ, онъ предлагалъ освободить ихъ отъ пошлинъ за посвященіе, а также испрашивалъ льготы для обращаемыхъ въ христіанство инородцевъ. Онъ обладалъ въ значительной степени настойчивостью и терпѣніемъ, а потому, при оказанной ему правительственной поддержкѣ, можно было разчитывать на несомнѣнный успѣхъ принятаго имъ на себя труднаго дѣла; но, къ сожалѣнію, обстоятельства вскорѣ измѣнились. Въ 1732 году на Казанскую каѳедру назначенъ былъ архіепископъ Иларіонъ, отнесшійся ревниво къ самостоятельности Свіяжскаго Богородицкаго монастыря, вслѣдствіе чего указомъ Св. Синода отъ 19 іюня 1732 года означенный монастырь, съ архимандритомъ Алексіемъ во главѣ, поставленъ былъ вновь въ непосредственное подчиненіе Казанскому епархіальному начальству, и съ этого времени начинается между этимъ послѣднимъ и отцомъ Алексіемъ рядъ раздоровъ, пріостановившихъ дальнѣйшее движеніе едва начатаго дѣла.

Раздоры эти, тянувшіеся нѣсколько лѣтъ, дошли наконецъ до серіознаго обвиненія отца Алексія Раифскаго архіепископомъ Иларіономъ въ неправильномъ расходованіи миссіонерскихъ суммъ, и хотя процессъ окончился въ пользу отца Алексія, тѣмъ не менѣе вліяніе его было подорвано, и онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ уклониться отъ завѣдыванія миссіонерскою коммиссіей, въ которую преемникомъ ему назначенъ былъ протоіерей Александръ Козьминъ, недостаточно опытный въ порученномъ ему дѣлѣ. Неизбѣжныя ошибки и упущенія, происходившія главнымъ образомъ отъ незнакомства съ дѣломъ, повели въ свою очередь къ недоразумѣніямъ между коммиссіей и гражданскою властью: открылось, напримѣръ, что многіе инородцы, въ виду обѣщанныхъ льготъ, крестились по нѣсколько разъ, что въ коммиссіи не было заведено правильныхъ списковъ крестившимся и т. п. По поводу этихъ и другихъ, подобныхъ имъ

упущеній возникъ цѣлый рядъ пререканій, доходившихъ до высшихъ правительственныхъ учрежденій, вслѣдствіе чего, въ интересахъ организаціи дѣла на болѣе правильныхъ началахъ, постановлено было преобразовать коммиссію, съ переименованіемъ ея въ Новокрещенскую Контору.

11 сентября 1740 года послѣдовалъ именной Высочайшій указъ объ учрежденіи Новокрещенской Конторы, въ 23 пунктахъ коего заключалась подробная программа дѣятельности вновь открываемаго учрежденія. Въ первыхъ пяти пунктахъ указа говорилось о характерѣ евангельской проповѣди и вообще о пріемахъ къ наиболѣе успѣшному наученію инородцевъ христіанской вѣрѣ и обрядамъ; къ этому наученію призывалось, кромѣ миссіонеровъ, и прочее русское населеніе, которое приглашалось по мѣрѣ возможности содѣйствовать этому святому дѣлу посредствомъ житейскаго сближенія и родственныхъ связей съ новообратившимися. Въ пунктахъ 6—12 излагался планъ устройства жизни новокрещеныхъ, предписывавшій переселять ихъ въ такія мѣстности гдѣ бы они могли находиться въ ближайшемъ соприкосновеніи съ русскимъ населеніемъ, дабы вліяніемъ русской среды и разобщеніемъ съ некрещеными инородцами научить ихъ христіанской жизни и обычаямъ. Пунктами 13—15 новокрещенымъ предоставлялись различныя льготы, награды деньгами и одеждой, сложеніе податей на опредѣленный срокъ и освобожденіе отъ рекрутской повинности. Пунктами 16—20 опредѣлялись штаты вновь учреждаемой конторы, источники ея содержанія и порядокъ расходованія суммъ. Пунктами 21 и 22 указывалась необходимость учрежденія центральныхъ инородческихъ школъ для подготовки приходскаго духовенства въ инородческіе приходы и предлагалось Св. Синоду составить для этихъ школъ особые штаты. Наконецъ 23 пунктомъ предоставлялось завѣдующему конторой входить въ Св. Синодъ съ ходатайствами и представленіями относительно потребныхъ дополненій и измѣненій существующаго устава.

Во главѣ Новокрещенской Конторы поставленъ былъ іеромонахъ, проповѣдникъ Московской Духовной Академіи, Димитрій Сѣченовъ, возведенный вмѣстѣ съ тѣмъ въ санъ архимандрита. Принявшись за дѣло энергично, окруживъ себя достойными помощниками, отецъ Димитрій на первыхъ же порахъ

достигъ результатовъ повидимому превосходившихъ всякія ожиданія. Изъ Царевококшайска, напримѣръ, куда отправленъ былъ протоіерей Георгій Давыдовъ, получены были донесенія о томъ что „вся Черемиса до сосущаго младенца крестилась“. Подобныя же извѣстія приходили и изъ другихъ мѣстностей, такъ что въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ существованія Конторы число вновь обращенныхъ представляло уже почтенную цифру 17.362. Неожиданные успѣхи эти, не предусмотрѣнные вышеупомянутымъ указомъ, не замедлили породить массу затрудненій, возникавшихъ изъ невозможности примѣненія нѣкоторыхъ изъ постановленныхъ указомъ правилъ. Вопервыхъ, оказался недостатокъ въ средствахъ для награжденія крестившихся, вслѣдствіе чего только 7.480 человѣкъ получили награды, остальнымъ 9.882 лицамъ за недостаткомъ суммъ ничего не выдано. Вовторыхъ, явился вопросъ о предоставленіи льготъ, сложеніи съ новокрещеныхъ инородцевъ податей и рекрутской повинности, которыя, согласно указу, должны были подлежать раскладкѣ между инородцами отказавшимися отъ крещенія. По мѣрѣ того какъ число послѣдователей христіанства возрастало, такая раскладка становилась болѣе и болѣе затруднительною и наконецъ практическое исполненіе этихъ пунктовъ указа встрѣтило столь серіозныя препятствія что пришлось совершенно отъ него отказаться. Втретьихъ, законъ о переселеніи крещеныхъ инородцевъ, казавшійся разумнымъ и удобоисполнимымъ пока новокрещеные оказывались въ меньшинствѣ, сталъ вызывать ропотъ со стороны крестившихся по мѣрѣ возрастанія числа ихъ. Дѣйствительно, переселеніе простиравшееся иногда на бо́льшую часть населенія данной деревни являлось какъ бы притѣсненіемъ новокрещеныхъ, которыхъ вынуждали бросать свои жилища и перекочевывать, тогда какъ упорствовавшіе въ язычествѣ или магометанствѣ инородцы спокойно оставлялись на прежнихъ мѣстахъ своей осѣдлости. Наконецъ, возраставшее свыше всякихъ ожиданій число христіанъ обусловливало необходимость увеличенія числа церквей, приходовъ и личнаго состава духовенства, на каковой предметъ недоставало у Новокрещенской Конторы необходимыхъ средствъ.

Благодаря настойчивымъ представленіямъ архимандрита Димитрія, нѣкоторыя изъ этихъ затрудненій были устранены принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ. Такъ, законъ о

переселеніи измѣненъ въ томъ смыслѣ что въ мѣстностяхъ гдѣ число крестившихся оказывалось значительнымъ повелѣвалось примѣнять мѣру переселенія къ инородцамъ упорствовавшимъ въ язычествѣ или магометанствѣ, чѣмъ предполагалось не только возстановить справедливость, но и привлечь къ христіанству наибольшее число послѣдователей. Средства Конторы для раздачи наградъ вновь крестившимся увеличены, а также отпущены необходимыя суммы и церковные предметы на постройку и содержаніе тридцати церквей въ мѣстностяхъ заселенныхъ крещеными инородцами. Оставался однако вопросъ о переложеніи податей и повинностей, регулированіе котораго сопряжено было съ затрудненіями иного рода.

Предоставленныя указомъ 1740 года льготы составляли, въ сущности, главную приманку для инородцевъ, въ большинствѣ случаевъ не иначе допускавшихъ духовенство въ свои деревни какъ подъ условіемъ непремѣннаго и безотлагательнаго дарованія имъ обѣщанныхъ наградъ и льготъ; исполненіе же этого условія, напротивъ, привлекало желающихъ креститься тысячами. Тѣмъ не менѣе Новокрещенская Контора, за неисполненіемъ требованій ея со стороны свѣтской власти, нерѣдко оказывалась вынужденною затягивать удовлетвореніе законныхъ требованій новокрещеныхъ на нѣсколько лѣтъ, и хотя по представленіямъ ея дѣло доходило до Сената, подтверждавшаго новыми указами права новокрещеныхъ на предоставленныя имъ льготы, но фактически дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи, чѣмъ въ значительной степени подрывался кредитъ миссіонерскаго дѣла и создавались серіозныя опасности для проповѣдниковъ христіанства, подвергавшихся оскорбленіямъ, угрозамъ и даже нападеніямъ со стороны озлобленной толпы обманутыхъ новокрещенцевъ.

Между тѣмъ Димитрій Сѣченовъ въ сентябрѣ 1742 года посвященъ былъ во епископа и переведенъ на Нижегородскую каѳедру, и хотя въ этомъ новомъ званіи не покидалъ миссіонерской дѣятельности, тѣмъ не менѣе завѣдываніе Конторой состоявшею въ предѣлахъ Казанской епархіи должно было перейти въ другія руки. На мѣсто Сѣченова управителемъ Новокрещенской Конторы назначенъ былъ помощникъ его, ректоръ Казанской семинаріи архимандритъ Сильвестръ (Стефанъ Гловацкій), обратившій главное вниманіе свое на устройство школъ. Первыя изъ нихъ учреждены были въ

1745 году при Свіяжскомъ монастырѣ, въ Елабугѣ и Царевококшайскѣ. Такимъ образомъ имя Сильвестра сопряжено съ воспоминаніемъ о первыхъ зачаткахъ правильнаго христіанскаго образованія въ краѣ. Въ его управленіе начались также первыя гоненія на новокрещеныхъ со стороны не однихъ только магометанъ, но и со стороны мѣстнаго русскаго населенія, пытавшагося разными хитростями и обманомъ закрѣпощать ихъ къ своей землѣ, опутывая ихъ долгосрочными обязательствами и долгами. Извѣстія объ этомъ и подобныхъ тому притѣсненіяхъ стекались со всѣхъ сторонъ; многіе изъ новокрещеныхъ переставали уже мечтать о льготахъ прося лишь милостиваго указа объ охранѣ ихъ отъ обидъ.

Борьба съ этимъ зломъ, поглощавшая не мало времени и энергіи нашихъ дѣятелей на поприщѣ христіанской пропаганды, не приводила однако къ желанному результату, вопреки даже особому Высочайшему указу изданному въ 1747 году. Нельзя не обратить вниманія на подобныя притѣсненія какъ на свидѣтельство въ какой степени миссіонерское дѣло обставлено было затрудненіями даже съ тѣхъ сторонъ съ которыхъ всего менѣе можно было ожидать противодѣйствія столь полезному и святому дѣлу. Несмотря на всѣ эти препятствія, дѣло, однако, повидимому подвигалось, и по офиціальнымъ свѣдѣніямъ относящимся къ 1749 году крещеныхъ инородцевъ насчитывалось уже 217.258 душъ обоего пола. Впрочемъ, къ этому же времени стали обнаруживаться и частыя вѣроотступничества, свидѣтельствовавшія какъ бы о непрочности слишкомъ поспѣшно воздвигнутаго зданія христіанства. Причиной ихъ являлась главнымъ образомъ магометанская пропаганда, которая тѣмъ легче принималась среди инородцевъ, недавно лишь вышедшихъ изъ язычества, что магометанское вѣроученіе было для нихъ доступнѣе и татарскій языкъ понятнѣе. Притомъ, начинавшіяся уже въ то время послабленія въ пользу магометанъ способствовали быстрому увеличенію числа мечетей и татарскихъ школъ, тогда какъ въ церквахъ и въ православныхъ школахъ ощущался крайній недостатокъ. Вызванное совокупностью всѣхъ этихъ обстоятельствъ сильное движеніе новокрещеныхъ въ сторону магометанства обратило на себя вниманіе правительства, поставившаго себѣ задачей пріостановить движеніе всѣми зависѣвшими отъ него средствами, какъ-то: увѣщаніями, угрозами и даже наказаніями, доходившими нерѣдко

и до жестокостей; тѣмъ не менѣе можно сказать утвердительно что съ тѣхъ поръ магометанская пропаганда не только не прекращалась, но и по настоящее время составляетъ главное препятствіе успѣхамъ христіанской цивилизаціи на нашемъ Востокѣ. Что магометанская пропаганда была не случайною, что она являлась не вслѣдствіе какихъ-либо исключительныхъ мѣстныхъ причинъ, видно ужь изъ одновременности ея появленія повсюду, какъ въ Казанскомъ такъ въ Оренбургскомъ и Астраханскомъ краяхъ, а потому, кромѣ непосредственныхъ мѣръ противъ вѣроотступниковъ, признаны были необходимыми общія, въ смыслѣ ограниченія самыхъ средствъ къ пропагандѣ, въ виду чего послѣдовало возобновленіе или вѣрнѣе подтвержденіе прежнихъ законовъ о мечетяхъ, причемъ приказано было сносить тѣ изъ нихъ которыя находились въ средоточіи главной дѣятельности Новокрещенской Конторы. Мѣра эта, быстро приведенная въ исполненіе, вскорѣ огласилась во всемъ магометанскомъ мірѣ, даже внѣ предѣловъ Имперіи, и такъ какъ она подала поводъ къ нѣкоторымъ политическимъ усложненіямъ, то правительство сочло нужнымъ, отмѣнивъ ее, ограничиться лишь особою регламентаціей, по которой татарскій приходъ обусловливался опредѣленнымъ числомъ прихожанъ (отъ 200 до 300) и процентнымъ отношеніемъ ихъ къ крещеному населенію данной мѣстности.

Такая неустойчивость правительственной системы не могла не ослабить энергіи нашихъ миссіонеровъ, тѣмъ болѣе что слѣдовавшія одно за другимъ перемѣщенія на епископскія каѳедры наиболѣе опытныхъ и просвѣщенныхъ изъ нихъ лишали ихъ необходимой поддержки въ столь трудномъ дѣлѣ. Въ 1749 году произошло новое замѣщеніе управителя Новокрещенской Конторы, назначеннаго митрополитомъ въ Тобольскую епархію. Мѣсто его занялъ Евменій Сколовскій, о дѣятельности котораго сохранилось весьма мало свѣдѣній. Въ періодъ его управленія Конторой, на поприщѣ христіанской миссіи выдающаяся роль выпала на долю Казанскаго епископа Луки Конашевича, имя коего до сихъ поръ еще памятно въ средѣ мѣстныхъ Татаръ, вслѣдствіе чувствительныхъ ударовъ нанесенныхъ имъ успѣхамъ магометанской пропаганды. Заботамъ его обязаны своимъ существованіемъ многіе христіанскіе храмы, не мало обращено было имъ вниманія и на образованіе, для

усиленія коего онъ учредилъ, между прочимъ, особую новокрещенскую школу, помѣщавшуюся въ Казани, подъ его личнымъ наблюденіемъ. Въ школу эту, предназначенную быть разсадникомъ инородческаго приходскаго духовенства, онъ собралъ всѣхъ наличныхъ учениковъ изъ бывшихъ въ то время въ Казанской епархіи четырехъ инородческихъ школъ, какъ лицъ наиболѣе подготовленныхъ къ прохожденію курса во вновь открывавшемся учебномъ заведеніи. Татары затѣяли противъ него сильную интригу; его обвиняли между прочимъ въ томъ что онъ прибѣгалъ къ насилію для привлеченія магометанъ ко христіанству, и хотя жалобы эти Св. Синодомъ признаны были неосновательными, тѣмъ не менѣе, дабы оградить христіанское духовенство отъ нареканій, изданъ былъ синодскій указъ отъ 24 декабря 1750 года, установлявшій особыя формы для письменныхъ заявленій о допущеніи желающихъ къ Св. крещенію. Непрактичность этой мѣры не замедлила обнаружиться: заявленія эти требовались на русскомъ языкѣ, мѣстнымъ инородцамъ вовсе неизвѣстномъ, писцы и чиновники за написаніе ихъ взимали поборы, кромѣ того дѣла затягивались въ ожиданіи рѣшенія по нимъ высшей власти, и если этимъ способомъ и устранялось заподазриваніе духовенства въ насиліи надъ упорствующими, то, съ другой стороны, возникавшія отсюда затрудненія для лицъ искренно увлекавшихся христіанскою проповѣдью доводили число обращеній до минимума.

Въ 1755 году мѣсто Конашевича въ Казанской епархіи занялъ членъ Св. Синода преосвященный Гавріилъ Кременецкій. Будучи въ качествѣ члена Св. Синода коротко знакомъ съ положеніемъ епархіи, онъ ознаменовалъ свое вступленіе на эту каѳедру обнародованіемъ инструкціи нѣкоторые пункты коей относились между прочимъ и къ миссіонерскому дѣлу. Сущность этихъ пунктовъ согласовалась впрочемъ съ указомъ 11 сентября 1740 года объ учрежденіи Новокрещенской Конторы, и новаго введено было лишь правило объ обязательномъ знаніи духовенствомъ языка своихъ прихожанъ, что̀, впрочемъ, не лишено было серіознаго значенія: въ важности и необходимости этого условія преосвященный Гавріилъ еще болѣе убѣдился во время объѣзда епархіи, когда оказалось что новокрещеные не знаютъ даже первыхъ, главныхъ христіанскихъ молитвъ. Вслѣдствіе этого онъ

обратилъ особенное вниманіе Конторы на необходимость строгаго надзора за приходскимъ духовенствомъ, которому вмѣнялось въ непремѣнную обязанность обучать новокрещеныхъ христіанскимъ молитвамъ и обрядамъ. Объѣзды свои преосвященный Гавріилъ простиралъ на самыя отдаленныя окраины епархіи, въ то время заключавшей въ предѣлахъ своихъ Оренбургскій край; словомъ, онъ болѣе предмѣстниковъ своихъ проявилъ личнаго участія въ миссіонерскомъ дѣлѣ, которому удѣлялъ не мало трудовъ и времени.

Въ 1762 году преосвященный Гавріилъ переведенъ былъ архіепископомъ въ Петербургъ. Къ этому же времени относится и рѣзкая перемѣна въ правительственной системѣ относительно миссіонерскаго вопроса. Съ воцареніемъ императрицы Екатерины II установились самые широкіе взгляды на принципъ вѣротерпимости, вслѣдствіе чего прежнія мѣры противъ магометанъ признаны были безполезными, и въ томъ числѣ особое миссіонерское учрежденіе какъ источникъ давленія на мѣстное населеніе въ пользу христіанства. Въ виду этого въ 1764 году, 6 апрѣля, состоялся сенатскій указъ, которымъ обнародовалось упраздненіе Новокрещенской Конторы. Указомъ этимъ христіанская проповѣдь возлагалась на особыхъ штатныхъ проповѣдниковъ, состоявшихъ при каждой епархіи въ числѣ двухъ или трехъ человѣкъ, коимъ вмѣнялось въ обязанность дѣйствовать исключительно мѣрами кротости и убѣжденія, и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнялись всѣ привилегіи, награды и льготы вновь крестившимся. Школы были оставлены на прежнемъ основаніи, съ тѣмъ однако чтобы туда поступали учащіеся не иначе какъ по добровольному желанію родителей и съ предоставленіемъ окончившимъ въ нихъ полный курсъ прежнихъ правъ на занятіе церковнослужительскихъ должностей.

Главныя обвиненія коимъ подвергалась миссіонерская дѣятельность въ періодъ существованія Новокрещенской Конторы заключались въ томъ что со стороны миссіонеровъ допускались злоупотребленія и насиліе, что самое обращеніе инородцевъ было поверхностное, что къ нему привлекали даже преступниковъ дарованіемъ помилованія, что ощущался крайній недостатокъ въ храмахъ и т. п. Сущность этихъ обвиненій не лишена основанія, хотя и не всѣ они могутъ быть возлагаемы на отвѣтственность мѣстныхъ дѣятелей. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ что привлеченіе

ко христіанству людей не убѣжденныхъ, склоняющихся къ нему ради тѣхъ или другихъ житейскихъ интересовъ и выгодъ, отсутствіе мѣръ къ укрѣпленію въ духѣ новаго вѣроученія, недостатокъ даже въ самомъ необходимомъ количествѣ молитвенныхъ учрежденій, все это мало гарантировало прочность результатовъ добытыхъ нашими миссіонерами въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ существованія Новокрещенской Конторы; тѣмъ не менѣе, по отчетамъ ея, результаты эти были весьма значительны и выражались краснорѣчивою цифрой 409.864 обращеній, конечно, преимущественно изъ язычниковъ. Быть-можетъ дальнѣйшее существованіе Конторы повело бы къ своевременному изысканію мѣръ, въ видахъ укрѣпленія христіанства среди этой массы вновь пріобрѣтенныхъ послѣдователей его; несомнѣнно однако что съ закрытіемъ Конторы, сопровождавшемся, какъ показано будетъ ниже, расширеніемъ религіозныхъ правъ магометанъ, миссіонерское дѣло стало замѣтно падать, и вмѣстѣ съ тѣмъ стали обнаруживаться все чаще и чаще открытыя и тайныя вѣроотступничества, въ которыхъ вліяніе магометанской пропаганды, во всякомъ случаѣ, играло не послѣднюю роль. Ясно что при такихъ обстоятельствахъ, офиціальныя данныя, не касаясь противозаконныхъ отпаденій отъ христіанства, даютъ лишь превратное понятіе о дѣйствительномъ положеніи христіанства въ краѣ; между тѣмъ ближайшее знакомство съ этимъ положеніемъ необходимо въ интересахъ уясненія наиболѣе практическихъ мѣръ противодѣйствія постоянно разрастающемуся татарско-магометанскому вліянію.

II.

Приволжскіе инородцы Финскаго племени, вообще говоря, мало устойчивы въ сохраненіи своихъ національныхъ особенностей. Они легко поддаются вліянію господствующихъ въ краѣ коренныхъ Русскихъ и Татаръ, относительное преобладаніе коихъ отмѣчаетъ заранѣе то направленіе по которому пойдетъ гражданское и религіозное развитіе Финновъ. Вотъ почему уровень христіанскаго развитія этихъ племенъ, т.-е. степень дѣйствительнаго усвоенія ими христіанскихъ догматовъ, обычаевъ и обрядовъ, всецѣло зависитъ отъ степени сближенія ихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ

края. Въ мѣстностяхъ населенныхъ сплошными массами инородцевъ Финскаго племени, національный типъ ихъ, обычаи и одежда сохранились до сихъ поръ во всей своей чистотѣ; тамъ же можно встрѣтить не только полное непониманіе русской рѣчи, но даже нѣкоторую враждебность къ Русскому народу. Но гдѣ къ инородческому населенію примѣшается отчасти и русское, тамъ враждебность эта начинаетъ исчезать, пониманіе русскаго языка становится дѣломъ обыкновеннымъ, старинные костюмы начинаютъ попадаться рѣже, вытѣсняемые болѣе современными, отчасти перенятыми у Русскихъ образцами одежды. Наконецъ, встрѣчаются и такія мѣстности гдѣ финскій типъ какъ бы вовсе исчезаетъ, русскій языкъ пріобрѣтаетъ полныя права гражданства, начиная входить въ употребленіе даже между женщинами; мущины одѣваются въ русскіе кафтаны, рубахи и высокіе сапоги, женятся на Русскихъ и дочерей своихъ выдаютъ за Русскихъ. Къ этому типу мѣстныхъ инородцевъ принадлежитъ преимущественно Мордва, слившаяся съ русскимъ населеніемъ настолько что неопытному наблюдателю не сразу удалось бы подмѣтить ея племенныя особенности, изъ которыхъ вполнѣ сохранился лишь языкъ, не выходящій изъ употребленія, несмотря на то что Мордовцы почти всѣ свободно изъясняются по-русски. Главная причина такого полнаго слiянія Мордовскаго племени съ Русскимъ заключается, какъ надо полагать, въ томъ что изо всѣхъ мѣстныхъ племенъ оно одно только оставалось совершенно чуждо магометанскому вліянію, вслѣдствіе чего безпрепятственно усвоило себѣ христіанскія понятія, съ которыми сжилось не менѣе коренныхъ Русскихъ. Что же касается Чувашей, Черемисовъ и Вотяковъ, то число истинныхъ христіанъ между ними значительно ниже показаннаго на основаніи офиціальныхъ источниковъ. Вышеприведенныя цифры инородцевъ-язычниковъ быть-можетъ и вѣрны если къ числу язычниковъ причислять лишь тѣхъ изъ нихъ которые и понынѣ сохраняютъ свои дикія языческія суевѣрія и обряды во всей ихъ неприкосновенности; но едва ли справедливо было бы относить къ числу христіанъ тѣхъ изъ нихъ которые хотя и числятся таковыми, но въ церковь не ходятъ, дѣтей не крестятъ, браковъ по христіанскому обряду не совершаютъ, въ подражаніе мѣстному магометанскому населенію празднуютъ пятницы, не ѣдятъ свинины,

брѣютъ головы, покрывая ихъ татарскими тюбетейками, чтутъ одинаково Нуха, Айсу и Мухамеда (Ноя, Іисуса и Магомета), относятся съ большимъ уваженіемъ къ Корану, а вмѣстѣ съ тѣмъ празднуютъ Пасху, дни Св. Троицы и апостоловъ Петра и Павла, покланяются иконѣ Николая Чудотворца и при всемъ томъ не покидаютъ языческихъ обычаевъ и обрядовъ. Вообще говоря, христіанство съ его возвышеннымъ міровоззрѣніемъ мало соотвѣтствуетъ низкому интеллектуальному уровню большинства мѣстныхъ инородцевъ, привыкшихъ къ самому фамильярному обращенію со своими божествами, къ коимъ они обращаются за удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей, и которыхъ посвящаютъ въ свои домашнія дрязги и ссоры, угрожая имъ местью въ случаѣ неисполненія прошеній. Религія ихъ, лишенная всякой таинственности, построенная на самыхъ грубыхъ началахъ, не подготовила ихъ къ воспріятію высокихъ началъ христіанства, которое они принимали только съ обрядовой стороны, между прочимъ смѣшивая эту послѣднюю со своими языческими понятіями о ворожбѣ и заклинаніяхъ. Такимъ образомъ любой Чувашъ или Черемисовъ, тщетно молившій языческихъ боговъ о дарованіи здоровья его заболѣвшей скотинѣ и продѣлавшій съ этою цѣлью все что̀ внушаетъ ему языческое суевѣріе, убѣдясь въ недѣйствительности извѣстныхъ ему чаръ, попробуетъ молиться творя крестное знаменіе по примѣру Русскаго или задобрить христіанскаго Бога поставивъ Ему свѣчу въ церкви. При этомъ онъ изложитъ Ему свои нужды въ самой обыкновенной разговорной формѣ, посвятитъ его въ мельчайшія подробности своихъ домашнихъ обстоятельствъ и въ заключеніе, выйдя изъ церкви, непремѣнно броситъ кусокъ хлѣба собакѣ чтобъ узнать принята ли его жертва или нѣтъ. Понятно что этимъ религіознымъ воззрѣніямъ онъ остается вѣренъ и послѣ принятія крещенія, истиннаго смысла котораго онъ уразумѣть не можетъ. Такимъ образомъ, сохраняя ту же наивность въ своихъ молитвахъ, онъ въ крестномъ знаменіи видитъ лишь особую форму заклинанія, принятую у христіанъ; въ случаѣ же если его новый христіанскій Богъ не исполнитъ его молитвы, онъ въ свою очередь отправится въ лѣсъ и совершитъ жертвоприношеніе языческому богу зла Кереметu, съ цѣлью задобрить его, дабы онъ не мѣшалъ исполненію

его желаній и не парализовалъ дѣйствія его молитвъ. Наивное представленіе его о загробной жизни также отнюдь не измѣняется съ переходомъ въ христіанство, а потому онъ и въ христіанствѣ остается вѣренъ языческому способу поминовенія усопшихъ, совершаемаго во дни большихъ праздниковъ и заключающагося въ томъ что на могилы кладется пища, дабы покойники не приходили за нею въ жилища живыхъ, и зажигаются восковыя свѣчи долженствующія облегчить душѣ покойника переходъ въ иной, *болѣе свѣтлый* міръ. Такимъ образомъ, инородцы христіане въ области религіозныхъ представленій мало чѣмъ отличаются отъ одноплеменныхъ имъ язычниковъ, а потому наравнѣ съ сими послѣдними представляютъ самую благодарную почву для всякаго рода религіозной пропаганды, что̀ вполнѣ сознаютъ магометане, не упускающіе случая со свойственною имъ энергіей проводить свое вѣроученіе въ среду этихъ полухристіанскихъ, полуязыческихъ племенъ.

Кромѣ обрусѣвшей Мордвы и вышеописанныхъ *христіанъ-язычниковъ* есть въ Заволжскомъ краѣ еще два типа мѣстныхъ христіанъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ старокрещеныхъ и новокрещеныхъ Татаръ. Самыя названія эти ясно показываютъ что эти двѣ категоріи крещеныхъ Татаръ относятъ время крещенія своего къ различнымъ эпохамъ. Дѣйствительно, старокрещеные Татары принадлежатъ ко христіанамъ временъ покоренія Казанскаго Царства, тогда какъ новокрещеные ведутъ свое христіанство лишь съ половины прошлаго столѣтія, то-есть со времени учрежденія Новокрещенской Конторы.

Но не въ этомъ одномъ заключаются существенные признаки различія между ними. Исторія и характеристика ихъ ясно покажетъ что между ними нѣтъ ничего общаго кромѣ имени Татаръ и татарскаго языка, который впрочемъ въ почетѣ и употребленіи у большинства инородцевъ Заволжскаго края, независимо отъ принадлежности ихъ ко христіанству, магометанству или язычеству. Между старокрещеными и новокрещеными Татарами вообще такъ мало сходства что является естественное сомнѣніе въ племенномъ сродствѣ ихъ между собою. Собственно говоря, старокрещеные Татары признаются лишь таковыми потому что сами себя причисляютъ къ этому племени; въ общежитіи же ихъ принято именовать „старокрещенами“, и названіе это настолько пріобрѣло права

гражданства среди мѣстнаго населенія что въ глазахъ его оно утратило даже свое первоначальное значеніе и сдѣлалось названіемъ племеннымъ, вполнѣ опредѣляющимъ типъ людей къ которому относится.

Почему именно старокрещены считаютъ себя Татарами опредѣлить довольно трудно. Съ одной стороны, причиной тому можетъ быть сходство рѣчи, что впрочемъ, какъ сказано выше, ничего еще не доказываетъ, ибо все мѣстно-инородческое населеніе въ значительной степени обогатило свои крайне бѣдныя нарѣчія татарскими словами и оборотами, и за немногими исключеніями весь край говоритъ по-татарски. Съ другой стороны, полное отсутствіе какихъ бы то ни было историческихъ преданій среди старокрещенъ лишаетъ ихъ возможности составить себѣ болѣе правильное понятіе о своемъ происхожденіи. Наконецъ, легко допустить и то что старокрещены, сложившись къ настоящему времени въ особый типъ котораго нельзя съ точностью приурочить ни къ одному изъ мѣстныхъ инородческихъ типовъ, предпочитаютъ производить себя отъ Татаръ, коихъ историческое прошлое не лишено обаянія для нѣкогда признававшихъ надъ собою ихъ владычество мѣстныхъ инородцевъ.

Старокрещены не многочисленны: въ Казанской губерніи ихъ насчитываютъ всего 28.176 душъ обоего пола, причемъ типъ этотъ встрѣчается исключительно въ восточныхъ уѣздахъ, гдѣ онъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Мамадышскомъ уѣздѣ	13.278
„ Лаишевскомъ „	9.795
„ Чистопольскомъ „	3.432
„ Казанскомъ „	1.671

Въ Уфимской губерніи число ихъ, къ сожалѣнію, мѣстною статистикой въ точности не опредѣлено; тѣмъ не менѣе типъ старокрещенъ весьма извѣстенъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ встрѣчается довольно часто.

Изслѣдованіе этнографическихъ особенностей старокрещенъ повидимому указываетъ на два обстоятельства: вопервыхъ, на племенное сродство ихъ съ мѣстными инородцами Финскаго племени; вовторыхъ, на принадлежность ихъ не задолго до принятія христіанства къ язычеству, нѣкоторые изъ вѣрованій и обычаевъ коего сохранились у нихъ до сихъ поръ, хотя отчасти и въ измѣненномъ видѣ. Быть-можетъ въ эпоху татарскаго владычества они и были насильственно

привлечены къ магометанству въ которомъ могли числиться временно, но истинными магометанами они едва ли были когда-либо, ибо трудно предположить чтобъ языческія религіозныя суевѣрія и обычаи могли сохраниться до сихъ поръ, будучи пропущены чрезъ двойной фильтръ фанатизующаго магометанства и цивилизующаго христіанства. Если старокрещены до сихъ поръ еще не забыли своего бога Кереметя или не разстались съ обычаемъ возлаганія яствъ на могилы покойниковъ, то это объясняется отчасти отсутствіемъ религіозной репрессивности въ православной церкви вообще, равнодушіемъ и бездѣятельностью нашего духовенства и, наконецъ, склонностью къ суевѣрію и нашего русскаго православнаго крестьянина; но едва ли можно допустить чтобъ истинный магометанинъ, фанатикъ по преимуществу и поклонникъ единаго Аллаха могъ сохранить какіе бы то ни было вѣрованія и обычаи идущіе прямо въ разрѣзъ съ основными догматами магометанскаго вѣроученія. Кромѣ того, трудно допустить чтобы на первыхъ же порахъ послѣ покоренія Казани, когда, слѣдовательно, традиціонная вражда магометанъ къ христіанству должна была еще усиливаться національною ненавистью побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, могли найтись между Татарами настолько искренніе послѣдователи христіанства чтобы не измѣнить ему при первой представившейся возможности. Даже въ болѣе благопріятные историческіе моменты попытки привитія христіанства къ Татарамъ-магометанамъ сталкивались лишь съ неудачами, противодѣйствіями и вѣроотступничествами; тѣмъ болѣе не могла пользоваться успѣхомъ среди магометанъ христіанская пропаганда въ то время когда народная вражда между Татарами и Русскими находилась на высшей степени своего возбужденія.

По внѣшнему типу своему, старокрещены сохранили сходственныя черты съ Чувашами и Черемисами; встрѣчаются между ними не рѣдко и смѣшенія этихъ двухъ типовъ. Такое же смѣшеніе этихъ двухъ народностей замѣтно и въ одеждѣ, тамъ гдѣ сохранились старинные образцы ея. Таковы, напримѣръ, женскій кафтанъ *чува*, самымъ названіемъ своимъ обнаруживающій свое чувашское происхожденіе, или женскій же черемисскій головной уборъ состоящій изъ галунной повязки обмотанной бѣлымъ полотенцемъ и др. Мущины въ костюмахъ своихъ обнаруживаютъ менѣе консерватизма, и многіе носятъ уже русскіе кафтаны,

рубахи, пояса и сапоги. О бритьѣ головы или тюбетейкахъ у нихъ не сохранилось и восломинаній, магометанскаго воздержанія отъ свинины или вина они не признаютъ; по занятіямъ своимъ они, въ противуположность Татарамъ, преимущественно земледѣльцы и, напротивъ, чуждаются торговли, къ которой имѣютъ весьма мало влеченія. По характеру они общежительны между собою, но замкнуты и избѣгаютъ всякаго посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла, которыя рѣшаютъ между собою на сходахъ; къ судамъ и начальству также обращаться не любятъ; обязательства же свои исполняютъ аккуратно и вообще отличаются честностью и добросовѣстностью.

Вопреки нѣкоторымъ языческимъ суевѣріямъ сохранившимся между ними и до нашихъ дней, старокрещены могутъ быть причислены къ истиннымъ христіанамъ. Хотя обрядовая сторона у нихъ въ меньшемъ почетѣ нежели у русскаго крестьянина, соблюденіе постовъ менѣе строго и посѣщеніе церкви менѣе усердно, тѣмъ не менѣе они относятся съ уваженіемъ къ существеннымъ религіознымъ обычаямъ, говѣютъ большею частію ежегодно и къ причастію идутъ какъ на праздникъ. До торжественныхъ богослуженій и стройнаго церковнаго пѣнія они большіе охотники, обыкновенно же церковное служеніе посѣщаютъ довольно рѣдко, тѣмъ болѣе что церковно-славянскій языкъ имъ непонятенъ, хотя они и обнаруживаютъ желаніе ему учиться. Въ немногихъ старокрещенскихъ селеніяхъ, гдѣ богослуженіе совершается на татарскомъ языкѣ, церкви часто бываютъ полны народа.

Въ избѣ старокрещена, какъ и у коренныхъ Русскихъ, виситъ икона въ переднемъ углу, и въ праздничные дни они охотно принимаютъ у себя священника со крестомъ. Дѣтей своихъ старокрещены крестятъ повсемѣстно, покойниковъ же любятъ провожать процессіей, при колокольномъ звонѣ, выражаясь при этомъ что „колоколъ шайтана (злой духъ) прогоняетъ“. Словомъ, въ христіанствѣ они утвердились и въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются отъ такъ-называемыхъ новокрещеныхъ Татаръ или „новокрещенъ“.

Историческихъ свѣдѣній о старокрещенахъ сохранилось весьма мало; точно также нѣтъ никакихъ данныхъ для сужденія о причинахъ почему типъ этотъ сгруппировался исключительно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Существуютъ, однако, предположенія что предки ихъ населяли нѣкогда мѣстности къ западу отъ Казани, гдѣ постоянные

набѣги со стороны то Русскихъ, то Татаръ, приводили край въ разореніе, ихъ же самихъ принуждали селиться въ глухихъ, уединенныхъ мѣстностяхъ и равно чуждаться какъ той такъ и другой національности, каковыя черты характера они сохранили и до сихъ поръ. Въ послѣдствіи, принявъ крещеніе, поставившее ихъ быть-можетъ во враждебныя отношенія къ прежнимъ ихъ единовѣрцамъ язычникамъ, тѣснимые кромѣ того съ запада русскими переселенцами, являвшимися въ побѣжденный край полновластными хозяевами и захватывавшими лучшія земли, они сами двинулись на востокъ и водворились въ нынѣшнихъ мѣстахъ осѣдлости ихъ, гдѣ, какъ извѣстно, преобладаетъ татарское населеніе къ которому они въ послѣдствіи стали причислять и себя. Въ какой мѣрѣ легенда эта согласна съ дѣйствительностью, рѣшить довольно трудно, но она принадлежитъ къ числу наиболѣе правдоподобныхъ историческихъ преданій относящихся къ происхожденію такъ-называемыхъ старокрещеныхъ Татаръ.

Типъ новокрещеныхъ Татаръ рѣзко противуположенъ предыдущему. По численности онъ еще менѣе значителенъ. Такъ, въ Казанской губерніи новокрещеныхъ Татаръ насчитывается всего только 17.600 душъ, изъ коихъ значительная часть считается отпавшею отъ православія. Въ Уфимской губерніи число ихъ не приведено въ извѣстность, но во всякомъ случаѣ оно ничтожно. Въ виду этого о новокрещеныхъ можно было бы и не распространяться еслибъ они не имѣли значенія въ томъ отношеніи что служатъ живымъ свидѣтельствомъ въ какой мѣрѣ трудно привить христіанское ученіе исконнымъ магометанамъ.

Принадлежность новокрещенъ къ татарскому племени не подлежитъ сомнѣнію; объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ вполнѣ достовѣрныя семейныя преданія, такъ и племенное сходство, выражающееся въ тождественности не только языка, но и обычаевъ, одежды, образа жизни, словомъ, всего что характеризуетъ Татаръ. Костюмъ ихъ ничѣмъ не отличается отъ татарскаго, обычай брить головы и прикрывать ихъ тюбетейками распространенъ между ними повсемѣстно; они соблюдаютъ всѣ предписанія мусульманскаго закона, празднуютъ пятницы, не ѣдятъ свинины и не пьютъ вина, въ православные храмы не ходятъ, а нерѣдко даже посѣщаютъ мечети, рискуя подвергнуться законному преслѣдованію за подобное открытое вѣроотступничество. Крещеніе дѣтей и освященіе браковъ по

христіанскому обряду совершаютъ они развѣ только подъ вліяніемъ принужденія. Происходящая отсюда неузаконенность ихъ браковъ и рожденій порождаетъ массу серіозныхъ неудобствъ въ ихъ внутренней жизни, хозяйствѣ и гражданскихъ отношеніяхъ; такъ, напримѣръ, дѣти ихъ зачисляются въ крестьянскія общества къ которымъ принадлежитъ мать; здѣсь обязаны они нести подати и повинности, здѣсь же предоставлено имъ пользованіе землей. А между тѣмъ они вмѣстѣ съ матерью, считающею себя въ дѣйствительности замужнею, живутъ при отцѣ, нерѣдко принадлежащемъ къ крестьянскому обществу другаго уѣзда или даже губерніи, гдѣ они никакими правами на земельный надѣлъ не пользуются. Тѣмъ не менѣе, упорные въ своемъ вѣроотступничествѣ, крещеные Татары готовы скорѣе перенесть всѣ эти житейскія неудобства, нежели открыто признать себя христіанами путемъ узаконенія своихъ брачныхъ союзовъ по христіанскому обряду.

Хотя многіе изъ новокрещеныхъ Татаръ насчитываютъ въ своемъ роду около 5—6 христіанскихъ поколѣній, духъ магометанства въ нихъ однако весьма крѣпокъ, и полуторавѣковая исторія ихъ есть не что иное какъ сплошной рядъ вѣроотступничествъ, выражавшихся въ послѣднее время даже въ формѣ поданныхъ на Высочайшее имя прошеній о дозволеніи имъ возвратиться къ вѣроученію ихъ предковъ.

Къ удержанію крещеныхъ Татаръ въ христіанствѣ правительствомъ принимались разныя мѣры, бо́льшая или меньшая цѣлесообразность коихъ можетъ быть оспариваема, но которыя тѣмъ не менѣе всѣ одинаково разбивались объ упорство магометанскаго фанатизма. Къ числу подобныхъ мѣръ принадлежало, напримѣръ, переселеніе крещеныхъ Татаръ въ мѣстности съ преобладающимъ христіанскимъ населеніемъ, возобновленное въ текущемъ столѣтіи (въ 1829, 1835, 1839 и 1841 годахъ), оканчивавшееся тѣмъ что переселенцы разбѣгались изъ отведенныхъ имъ мѣстъ жительства, въ результатѣ же оставалось лишь разстройство ихъ экономическаго благосостоянія. Неудавшаяся мѣра эта привела кромѣ того къ явнымъ вѣроотступничествамъ, по поводу коихъ правительство сочло нужнымъ учредить особый секретный комитетъ, заключившій свои работы Высочайше утвержденнымъ 29 мая 1855 года постановленіемъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Независимо отъ

увѣщанія отступниковъ мѣстными священниками, поручить Казанской духовной консисторіи принять мѣры ко вразумленію совратившихся. Некрещеныхъ дѣтей, отобравъ отъ родителей, при содѣйствіи полиціи, крестить; женъ вступившихъ въ супружество безъ совершенія христіанскаго обряда вѣнчанія стараться склонить къ тому, въ противномъ же случаѣ удалить отъ мужей; также поступить съ женами некрещеными".

Мѣры эти, постановленныя первоначально относительно Татаръ Мамадышскаго уѣзда, вызвали энергическое сопротивленіе со стороны крещено-татарскаго населенія, въ виду чего въ 1861 году онѣ были пріостановлены. Между тѣмъ, въ 1866 году всѣ крещеные Татары Тетюшскаго уѣзда, въ числѣ 5.403 душъ обоего пола, объявили себя отпавшими отъ православія. Съ этого же времени начали поступать на Высочайшее имя прошенія отъ крещено-татарскихъ обществъ о разрѣшеніи имъ исповѣдывать магометанство. Движеніе это, начавшееся съ Свіяжскомъ уѣздѣ, вскорѣ распространилось по всей губерніи и зашло даже за предѣлы ея. Никакія официальныя заявленія о томъ что прошенія эти, какъ незаконныя, оставлены безъ послѣдствій, не могли успокоить Татаръ, которые были убѣждены что отказъ послѣдовалъ не отъ Государя, а отъ мѣстнаго начальства. Въ виду такого упорства и невозможности предать суду всѣхъ вѣроотступниковъ, коихъ насчитывались тысячи, правительство сочло необходимымъ примѣнить административныя мѣры къ лицамъ заподозрѣннымъ въ подстрекательствѣ. 28 января 1867 года послѣдовало распоряженіе о высылкѣ означенныхъ лицъ въ Туруханскій край; но принимая въ соображеніе тягость этой мѣры и число предназначавшихся къ ссылкѣ (47 человѣкъ), министръ Внутреннихъ Дѣлъ, согласно заключенію III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, положилъ примѣнять эту мѣру постепенно, давая каждому случаю возможно бóльшую огласку. Такимъ образомъ, высылкѣ подверглись немногіе; остальныя же лица, обвинявшіяся въ подстрекательствѣ къ вѣроотступничеству, содержались въ тюрьмахъ, дѣла же ихъ вѣдались обыкновенныиъ судебнымъ порядкомъ.

Рядомъ съ этими репрессивными мѣрами принимались и мѣры кротости, инціатива коихъ принадлежала Казанскому архіепископу, но и онѣ, благодаря неумѣлости и

неловкости исполнителей, не достигли желаемой цѣли. По распоряженію архіерея, священникамъ вмѣнено было въ обязанность не брать съ крещеныхъ Татаръ никакихъ поборовъ за совершеніе требъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщать татарскія селенія какъ можно чаще, стараясь вразумлять мѣстное населеніе путемъ проповѣди и ознакомленія съ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ. На первыхъ же порахъ Татары встрѣчали священниковъ недружелюбно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вовсе къ себѣ не пускали. Священники, въ свою очередь, настаивая на исполненіи архипастырскихъ предписаній, стали являться въ сопровожденіи полиціи, чѣмъ конечно мало вселяли довѣрія къ своей проповѣди. На обстоятельство это, о которомъ упомянуто во всеподданнѣйшемъ отчетѣ казанскаго губернатора, по Высочайшему повелѣнію обращено было вниманіе Комитета Министровъ, постановившаго: внушить чрезъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода духовенству чтобы при исполненіи миссіонерскихъ обязанностей оно дѣйствовало преимущественно мѣрами увѣщанія и не прибѣгало бы къ содѣйствію полиціи, вмѣшательство которой въ подобномъ дѣлѣ признавалось безполезнымъ.

Борьба съ постоянно усиливавшимся вѣроотступничествомъ становилась все труднѣе и труднѣе. Веденіе дѣлъ формальнымъ судебнымъ порядкомъ вело къ своего рода несправедливостямъ, ибо отпадавшіе въ магометанство подвергались весьма тяжкимъ взысканіямъ, хотя часто въ этомъ случаѣ дѣйствовали подъ давленіемъ массы, тогда какъ настоящіе виновники движенія, за недостаткомъ формальныхъ уликъ, оставались безнаказанными. По этому поводу возникло разногласіе между Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, поддерживавшемъ необходимость административныхъ мѣръ, и Министерствомъ Юстиціи, стоявшимъ за судебный порядокъ разсмотрѣнія вѣроотступническихъ дѣлъ. Разногласіе это разрѣшено Высочайше утвержденнымъ 16 сентября 1868 года положеніемъ Комитета Министровъ, коимъ опредѣлено, въ виду предстоявшаго вскорѣ введенія въ приволжскомъ краѣ судебной реформы, сохранить для разсмотрѣнія означенныхъ дѣлъ судебный порядокъ. Вслѣдствіе такого исхода, министръ Внутреннихъ Дѣлъ, разсмотрѣвъ состоявшіеся до того судебные приговоры, тѣ изъ нихъ которые подлежали утвержденію губернаторовъ возвратилъ для исполненія, остальные же представилъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ,

съ ходатайствомъ о смягченіи участи подсудимыхъ, каковое ходатайство и было уважено.

Со времени введенія въ Казанской губерніи новыхъ судебныхъ учрежденій (въ 1870 году) дѣла объ отпавшихъ отъ православія окончательно изъяты изъ вѣдѣнія администраціи; тѣмъ не менѣе отпаденія продолжаются и донынѣ, увлекая въ общемъ движеніи и тѣхъ немногихъ крещеныхъ Татаръ, которые еще оставались вѣрными православію. На этихъ послѣднихъ татарско-магометанскія общества стараются дѣйствовать всѣми мѣрами, часто даже насильственными, и хотя случаи эти болѣе или менѣе рѣдки, но доходили однако до истязанія женщинъ и дѣтей, до насильственнаго совершенія обрѣзанія надъ мущинами и т. п. При такихъ обстоятельствахъ, шаткое въ своихъ убѣжденіяхъ, но державшееся еще православія хотя бы изъ опасенія отвѣтственности предъ закономъ, немногочисленное крещено-татарское населеніе рѣшилось вторично прибѣгнуть къ неудавшемуся уже разъ способу подачи прошеній на Высочайшее имя о разрѣшеніи возвратиться въ магометанство. Такія прошенія поступали въ 1874, 1876 и 1879 годахъ, и хотя всѣ они оставлены безъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе продолжаютъ поступать и до сихъ поръ.

III.

Изъ вышеизложеннаго видно что хотя на удержаніе въ православіи нѣсколькихъ тысячъ Татаръ, магометанъ въ душѣ, христіанъ же только по имени, потрачено много энергіи и доброй воли,—положеніе дѣлъ, однако, нисколько не улучшилось; въ результатѣ же получались лишь народныя волненія, разстройство семейнаго и экономическаго быта населенія и возбужденіе религіозной вражды между магометанами и христіанами. Очевидно что такая безплодность правительственныхъ усилій указываетъ на существованіе какихъ-то особыхъ причинъ, по которымъ всякая попытка привить христіанское ученіе магометанамъ оканчивается полнѣйшею неудачей. Приписывать неудачи эти исключительно неловкости исполнителей правительственныхъ предначертаній или нецѣлесообразности самыхъ мѣръ было бы не вполнѣ основательно, ибо дѣйствія эти и мѣры относятся къ тому времени когда отступническое движеніе среди Татаръ

уже началось: первоначально же Татары привлекались къ христіанству такими же мѣрами какъ и прочіе инородцы Приволжскаго края. Между тѣмъ ни среди именующихъ себя Татарами старокрещенъ, ни среди прочихъ инородцевъ перешедшихъ въ православіе изъ язычества, никакихъ народныхъ волненій въ смыслѣ вѣроотступничества не замѣчалось, и какъ ни шатки инородцы въ своихъ христіанскихъ вѣрованіяхъ, какъ ни смутно у нихъ понятіе о религіи, какъ ни смѣшана установленная православною церковью обрядность съ магометанскою и даже языческою, тѣмъ не менѣе все это является лишь результатомъ невѣжества и суевѣрія, искорененіе коего само по себѣ требуетъ особыхъ мѣръ; инородцы никогда не обнаруживали систематическаго, коллективнаго упорства магометанъ, доходящаго до нежеланія даже знакомиться съ христіанскимъ ученіемъ и выразившагося, наконецъ, въ истязаніяхъ и насиліи надъ своими же соплеменниками, нехотѣвшими отступиться отъ вѣры къ которой считали себя принадлежащими въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній.

Особыя причины фанатической вражды магометанъ ко христіанству дѣйствительно существуютъ. Онѣ имѣютъ скорѣе религіозный нежели политическій характеръ, хотя конечно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ послужить орудіемъ и политической агитаціи среди мусульманъ. Изученіе ихъ необходимо въ видахъ правильной постановки Магометанскаго вопроса на нашихъ восточныхъ окраинахъ, нѣкогда обособленныхъ отъ прочаго магометанскаго міра, центръ коего лежитъ въ центральной и югозападной Азіи, а нынѣ грозящихъ слиться съ нимъ чрезъ посредство нашихъ средне-азіятскихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Во время óно, когда восточная граница Имперіи лежала по Уралу, когда зауральскія степи отрѣзывавшія восточную полосу Россіи отъ центральной Азіи заселены были кочующимъ народомъ не принадлежавшимъ, собственно говоря, ни къ какому вѣроисповѣданію и не фанатизованнымъ, какъ нынѣ, магометанскимъ ученіемъ которое распространилось въ средѣ его отчасти благодаря неискусной политикѣ какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ правительственныхъ органовъ,—когда въ самой Россіи нынѣшнихъ удобныхъ путей сообщенія не существовало и когда путешествія въ Мекку, въ особенности же европейскимъ путемъ, чрезъ Константинополь, были крайне

затруднительны и доступны лишь немногимъ,—въ тѣ времена, говоримъ мы, постановка Магометанскаго вопроса на нашемъ Поволжьи не могла имѣть особаго политическаго значенія и на магометанство могли быть направлены взгляды однихъ лишь миссіонеровъ, силившихся противодѣйствовать вліянію его въ интересахъ христіанства. Нынѣ же обстоятельства измѣнились: магометанская пропаганда, державшаяся до времени въ строго-религіозныхъ рамкахъ, можетъ при извѣстныхъ комбинаціяхъ сдѣлаться весьма сильнымъ орудіемъ политической агитаціи извнѣ, а потому противодѣйствіе укрѣпленію и распространенію магометанскаго духа и изолированіе его путемъ водворенія прочныхъ христіанскихъ началъ въ средѣ прочаго инородческаго населенія въ Краѣ должно составлять задачу не только миссіонеровъ, но и осторожной правительственной политики.

Сила магометанскаго духа, фанатическая вѣрность мусульманъ своей религіи, ненависть или вѣрнѣе презрѣніе ко христіанству берутъ начало какъ въ существѣ магометанскаго ученія вообще, такъ въ частности въ относительномъ процвѣтаніи магометанства сравнительно съ христіанствомъ на нашихъ восточныхъ окраинахъ.

Въ средѣ цивилизованныхъ христіанскихъ народовъ принято смотрѣть на магометанство какъ на невѣжественное вѣроученіе не могущее устоять противъ нравственной силы ученія Христова. При глубокой вѣрѣ въ непреложность закона по которому всякая низшая форма развитія неизбѣжно вытѣсняется высшею, Европеецъ-христіанинъ твердо убѣжденъ что магометанскій фанатизмъ не можетъ не уступить вліянію правильно организованной, энергической и просвѣщенной христіанской миссіонерской дѣятельности и что недостиженіе ею благопріятныхъ результатовъ свидѣтельствуетъ о недостаткахъ ея организаціи. Мнѣніе это, построенное на вѣрныхъ принципіальныхъ началахъ, обнаруживаетъ однако лишь поверхностное знакомство съ практическою стороной даннаго вопроса. Магометанство не есть, подобно многимъ нехристіанскимъ вѣроученіямъ, простое соединеніе грубыхъ суевѣрій лишенныхъ всякой теологической основы, произвольныхъ, не связанныхъ ни съ какимъ опредѣленнымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Напротивъ, оно представляетъ собою моно-

теизмъ какъ и христіанство. Христіанская проповѣдь можетъ произвести глубокое впечатлѣніе на людей вовсе не знакомыхъ съ единобожіемъ и съ ученіемъ Христа. Обращеніе подобныхъ людей при умѣніи взяться за дѣло не можетъ представить серіозныхъ затрудненій, что вполнѣ подтверждается всесвѣтною миссіонерскою практикой. Но мусульманинъ, подобно Еврею, имѣетъ свою вполнѣ выработанную теологію, и при этомъ, въ качествѣ послѣдователя новѣйшаго и наиболѣе распространеннаго вѣроученія, онъ смотритъ на христіанство какъ на религію отсталую. Магометанинъ твердо убѣжденъ въ невѣжественности христіанъ. Онъ знакомъ съ ученіями Моисея и Христа, онъ ихъ глубоко чтитъ какъ пророковъ, но полагаетъ что ученія ихъ устарѣли со времени появленія ученія Магомета. Онъ не въ состояніи уразумѣть христіанскаго догмата о трехъ ипостасяхъ Единосущнаго и Единаго Бога, которыя представляются ему чѣмъ-то въ родѣ трехъ боговъ, за коими магометанинъ видитъ еще поклоненіе цѣлому ряду святыхъ изображаемыхъ въ видѣ статуй (у католиковъ) или иконъ, имѣющихъ въ его глазахъ нѣчто общее съ идолами. Онъ съ заносчивостью осуждаетъ христіанъ за то что они своего „великаго пророка“ возвели въ божественный санъ и поставили рядомъ съ Аллахомъ, онъ презираетъ такое „кощунство“ и провозглашаетъ Единаго Бога и Магомета какъ величайшаго изъ Его пророковъ.

Какъ ни блистаетъ такое самообольщеніе мусульманина полною несостоятельностью въ уразумѣніи глубины христіанскаго ученія, тѣмъ не менѣе взглядъ его при извѣстномъ, не высокомъ уровнѣ его интеллектуальнаго развитія кажется ему построеннымъ на самыхъ неоспоримыхъ нравственныхъ и логическихъ началахъ, а потому провести въ среду магометанъ цивилизацію при посредствѣ христіанства едва ли возможно. Легче, повидимому, было бы достигнуть обратнаго, то-есть предварительно цивилизовавъ магометанина обратить его потомъ въ христіанство. Едва ли можно сомнѣваться что высшее просвѣщеніе способно было бы открыть глаза мусульманамъ на превосходство христіанскаго ученія. Но на практикѣ и этотъ путь не менѣе труденъ, ибо магометанство, это самое консервативное изо всѣхъ существующихъ вѣроученій, оградило своихъ послѣдователей отъ цивилизующаго вліанія науки, постановивъ

въ числѣ основныхъ своихъ правилъ что для магометанина не должно существовать науки внѣ Корана, изученіе коего есть альфа и омега магометанскаго просвѣщенія. Такимъ образомъ установился тотъ заколдованный кругъ магометанской исключительности, благодаря которому христіанство едва ли можетъ разчитывать пріобрѣсть себѣ въ немъ истинныхъ прозелитовъ, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ пока всемірная цивилизація не увлечетъ ихъ за собою помимо ихъ сознанія и воли и не поставитъ ихъ въ необходимость выйти наконецъ изъ этой вѣковой интеллектуальной неподвижности.

Но помимо этого существуютъ еще другія, мѣстныя причины, заключающіяся въ самой постановкѣ христіанскаго и магометанскаго дѣла на нашемъ Востокѣ, отодвигающія, быть-можетъ, на долгія времена всякую надежду на успѣхъ христіанской миссіи среди мусульманъ. Такими причинами являются, напримѣръ, сравнительно высокій уровень народнаго образованія у магометанъ, его религіозно-нравственная постановка, усердіе и безкорыстіе такъ-называемаго „магометанскаго духовенства" и т. п. Если въ высшихъ сферахъ магометанскаго общества господствуетъ относительное невѣжество, вслѣдствіе односторонности ихъ науки, поставленной въ самыя тѣсныя рамы ихъ ревнивымъ ко всякому обще-человѣческому знанію религіознымъ закономъ, то, съ другой стороны, уровень образованія массъ стоитъ, вообще, значительно выше нежели у насъ; въ особенности же разница эта велика въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ, гдѣ для народнаго образованія сдѣлано вообще меньше нежели въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ Россіи. Татарское просвѣщеніе исключительно религіозное, и въ этомъ его какъ дурныя, такъ и хорошія стороны: дурныя—потому что оно изолируетъ его отъ христіанской цивилизаціи; хорошія—потому что оно имѣетъ на своей сторонѣ народныя симпатіи, вслѣдствіе чего Татары обнаруживаютъ гораздо большее стремленіе къ школьному образованію нежели Русскіе, и въ этомъ случаѣ односторонность ихъ школъ служитъ очевиднымъ свидѣтельствомъ что въ народныхъ массахъ наилучшее средство привлеченія къ образованію есть постановка школъ на исключительно религіозно-нравственныхъ началахъ. Какъ бы то ни было, но магометанинъ не можетъ себѣ представить школы имѣющей иную цѣль нежели распространеніе

религіозныхъ знаній; потому-то онъ такъ враждебенъ ко христіанскимъ школамъ, и потому именно считаетъ свою, магометанскую школу первою потребностью всякаго правовѣрнаго и посѣщеніе ея для своихъ дѣтей нравственно обязательнымъ. Благодаря такому взгляду на дѣло магометанскія народныя училища, мектебе, имѣются чуть не въ каждой деревнѣ и во всякомъ случаѣ при каждой мечети или молитвенномъ домѣ. Тамъ гдѣ нѣтъ особаго помѣщенія для школы, мулла собираетъ дѣтей у себя на-дому, но такъ или иначе татарскія дѣти учатся почти всѣ.

По офиціальнымъ отчетамъ, въ которыхъ показаны только школы имѣющія спеціальныя помѣщенія, таковыхъ насчитывается въ Казанской губерніи 418 съ 20.479 учащимися и въ Уфимской губерніи 358 съ 12.866 учащимися. Въ дѣйствительности же ихъ гораздо больше. Въ Казанской губерніи число мектебе простирается до 730, въ Уфимской оно превышаетъ 1.000; если же, соотвѣственно этому дѣйствительному числу магометанскихъ школъ, увеличить вышепоказанную цифру учащихся, то окажется что этихъ послѣднихъ въ каждой изъ поименованныхъ губерній должно быть до 40.000. Такимъ образомъ, по этому приблизительному разчету, который во всякомъ случаѣ нѣсколько ниже дѣйствительности, выходитъ что

Въ Казанской губ. одна магометанская школа приходится на	780	д. об. пола.
и одинъ учащійся на	14	—
Въ Уфимской губ. одна магометанская школа на	784	—
и одинъ учащійся на	20	—

Въ параллель къ этимъ цифрамъ имѣются слѣдующія данныя для сужденія объ относительномъ уровнѣ образованія прочихъ народностей въ тѣхъ же губерніяхъ:

Число школъ, учрежденныхъ на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, земствъ, городовъ, миссіонерскихъ обществъ и частныхъ лицъ, гдѣ получаютъ элементарное образованіе дѣти христіанъ и язычниковъ, простирается въ Казанской губерніи до 466 съ 15.174 учащимися и въ Уфимкой губерніи до 266 съ 12.215 учащимися; откуда слѣдуетъ что

Въ Казанской губ. приходится одна русская школа на	2.800	д. об. пола.
и одинъ учащійся на	86	—
Въ Уфимской губ.—одна русская школа на	3.160	—
и одинъ учащійся на	68.	—

Цифры эти говорятъ сами за себя. Результатомъ такого положенія вещей является что среди Татаръ по крайней мѣрѣ 60% населенія грамотны, тогда какъ даже среди мѣстнаго русскаго населенія, не говоря уже о язычникахъ, число грамотныхъ не превышаетъ и 10%.

Но не однимъ количествомъ школъ и учителей можно объяснить сравнительные успѣхи грамотности у магометанъ: справедливость требуетъ признать что самое дѣло народнаго образованія поставлено у нихъ лучше. Правда, что татарскія школы существуютъ давно, что онѣ имѣютъ свои традиціи, что ученые муллы и шакирды составляютъ гордость населенія, что они пользуются всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ, что магометанскія школы суть учрежденія народныя, самостоятельныя, своеобразныя, освобожденныя отъ излишнихъ формальностей и притомъ направленныя въ исключительно религіозно-воспитательномъ духѣ; правда и то что наши школы не совмѣщаютъ въ себѣ ни одного изъ этихъ условій, что онѣ учреждены недавно, что Русскій народъ во времена крѣпостной зависимости не имѣлъ возможности проявить заботливости о своемъ образованіи, что учителя далеко не всегда умѣютъ пріобрѣсти себѣ общественное уваженіе, что наши преподаватели не проникнуты, подобно мулламъ, идеей о святости возложенныхъ на нихъ обязанностей преподаванія, что, наконецъ, наши народныя школы сложились не самостоятельно, но благодаря заботамъ правительства выработаны и регулированы по заранѣе составленному плану, а потому быть-можетъ и не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ и нуждамъ той среды для которой предназначаются. Но какъ бы то ни было, татарскія школы пользуются авторитетомъ и симпатіями не однихъ магометанъ, но и другихъ инородцевъ, какъ язычниковъ такъ и крещеныхъ, которые сплошь и рядомъ посылаютъ своихъ дѣтей учиться въ мектебе, хотя въ томъ же селеніи иногда имѣется и русская школа. Поворотъ народныхъ симпатій въ пользу русскихъ или вѣрнѣе православныхъ школъ замѣчается лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ учреждены миссіонерскія училища со строго религіознымъ направленіемъ, въ особенности же если преподаваніе ведется на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи; подобнымъ школамъ дѣйствительно удается въ

короткое время отвлечь значительную часть учениковъ отъ татарскихъ мектебе.

Возвращаясь къ организаціи учебнаго дѣла у Татаръ, необходимо замѣтить еще что въ такъ-называемыхъ мектебе преподаются лишь первыя начала татарско-магометанской грамотности и образованія; настоящими же разсадниками восточнаго фанатизма являются *медресе*, эти высшія татарскія школы, богословскіе факультеты магометанства. Здѣсь магометанская наука преподается въ широкомъ объемѣ, въ старшіе классы медресе поступаютъ молодые люди 16 лѣтъ и болѣе и обучаются въ нихъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Медресе, также какъ и мектебе, суть учрежденія чисто народныя. Никакая организація ихъ не предусмотрѣна нашимъ законодательствомъ, которое ограничивается лишь признаніемъ ихъ существованія. Они фактически не подчинены никакому контролю и хотя съ 1874 года отнесены къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, поставившаго для завѣдыванія ими особаго инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ, но за неимѣніемъ инструкціи могущей служить руководствомъ для дѣятельности инспекціи, контролирующая власть ея есть нѣчто фиктивное, не облеченное ни въ какія конкретныя формы. При такихъ условіяхъ медресе продолжаютъ укрѣплять магометанскій фанатизмъ среди Татаръ и возбуждать въ нихъ ненависть къ православію, которое они стараются низвести на степень какого-то языческаго многобожія. Число такихъ высшихъ школъ довольно значительно: въ Казанской губерніи ихъ свыше 30, въ Уфимской почти столько же. Нѣкоторыя изъ нихъ пользуются обширною извѣстностью и служатъ средоточіемъ огромнаго числа учащихся. Таково, напримѣръ, Стерлибашское медресе, Уфимской губерніи, Стерлитамакскаго уѣзда, помѣщающееся въ тридцати домахъ и заключающее въ себѣ нѣсколько тысячъ учениковъ. Не менѣе замѣчательна программа преподаваемыхъ тамъ наукъ. Хотя она не вполнѣ тождественна въ различныхъ медресе, и въ значительной степени обусловливается большею или меньшею ученостью стоящаго во главѣ школы міодериса (профессора), тѣмъ не менѣе нижеприведенный учебный планъ Апанаевскаго медресе въ городѣ Казани можетъ дать общее понятіе о размѣрахъ высшей татарско-магометанской эрудиціи. Школа эта, въ которой

обучается до 800 человѣкъ разнаго возраста, отъ восьмилѣтняго (въ младшихъ классахъ по курсу соотвѣтствующихъ мектебе) и до тридцатичетырехлѣтняго, пребывающихъ въ ней въ теченіе многихъ лѣтъ (есть примѣры 26лѣтняго пребыванія въ медресе), раздѣлена на семь отдѣленій или классовъ со слѣдующими предметами преподаванія:

VII отдѣленіе (младшее).

Программа низшихъ школъ или мектебе.

VI отдѣленіе.

Чтеніе начальныхъ догматическихъ книгъ, арабской этимологіи и Корана.

V отдѣленіе.

Арабское чтеніе, синтаксисъ и начала догматики.

IV отдѣленіе.

Полный курсъ грамматики, догматика и логика.

III отдѣленіе.

1) Этимологія, синтаксисъ и риторика арабскаго языка; 2) логика и діалектика; 3) догматика.

II отдѣленіе.

1) Этимологія, синтаксисъ и риторика арабскаго языка; 2) логика и діалектика; 3) догматика; 4) основанія богословія; 5) схоластическое богословіе; 6) практическое богословіе.

I отдѣленіе.

1) Этимологія, синтаксисъ и риторика арабскаго языка; 2) логика и діалектика; 3) догматика и законовѣдѣніе; 4) основанія богословія; 5) схалостическое богословіе; 6) практическое богословіе; 7) метафизика; 8) ученіе объ изреченіяхъ пророка (хадисъ); 9) экзегетика Корана.

Лица окончившія полный курсъ наукъ въ подобномъ учебномъ заведеніи выходятъ оттуда истыми фанатиками, самонадѣянными врагами европейской цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ высокоавторитетными въ глазахъ своихъ единоплеменниковъ. Во времена о́ны, по окончаніи курса въ медресе, они отправлялись еще въ Самаркандъ и Бухару, подобно тому какъ наши молодые университетскіе ученые отправляются для усовершенствованія въ наукахъ въ западную Европу. Возвращавшіеся оттуда являлись уже не только фанатиками, но и политически озлобленными противъ русскаго владычества, въ особенности въ эпоху предшествовавшую нашимъ средне - азіатскимъ завоеваніямъ. Въ виду этого

правительствомъ принята была мѣра, воспрещавшая утверждать въ званіи муллы совершившихъ путешествіе въ Бухару съ ученою цѣлью. Татары находили однако возможнымъ обходить этотъ законъ предпринимая путешествія подъ видомъ торговыхъ сношеній; но вскорѣ по присоединеніи Самарканда и сосѣднихъ съ Бухарой ханствъ къ Россіи, Средняя Азія потеряла въ глазахъ Татаръ прежнее свое обаяніе; между тѣмъ, возникшія приблизительно въ то же время желѣзнодорожныя сообщенія облегчили Татарамъ сношенія съ европейскимъ и африканскимъ магометанскимъ міромъ, куда и стала направляться новѣйшая ученая магометанская молодежь. Сношенія эти не лишены уже и теперь политическаго оттѣнка и съ помощью ихъ въ послѣднюю Турецкую кампанію производились попытки политической агитаціи среди нашихъ восточныхъ магометанъ. Какъ ни слабы и неудачны были эти попытки во время минувшей войны, онѣ не могутъ быть лишены значенія въ глазахъ предусмотрительнаго правительства, ибо агитація эта, потерпѣвшая полную неудачу въ настоящее время, послѣ первыхъ шаговъ къ сближенію между приволжскими и забалканскими магометанами можетъ достигнуть и болѣе серіозныхъ размѣровъ въ тѣ времена когда эти сношенія сдѣлаются болѣе прочными и постоянными, и хотя едва ли можно опасаться чтобъ она могла когда-либо привести приволжскихъ магометанъ къ идеѣ о совершенномъ отложеніи отъ Россіи, тѣмъ не менѣе, въ случаяхъ новыхъ усложненій на Востокѣ, она можетъ создать серіозныя затрудненія правительству отвлекая въ свою сторону не только извѣстную долю его вниманія, но быть-можетъ и часть нашихъ военныхъ силъ.

Итакъ, въ интересахъ государства желательно чтобъ усиленію и распространенію магометанства поставлены были нѣкоторыя преграды безъ нарушенія установленнаго нашими законами принципа вѣротерпимости. Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы съ интересами этими связано было насильственное удержаніе въ православіи нѣсколькихъ тысячъ вѣроотступниковъ изъ крещеныхъ Татаръ. Имъ, очевидно, не можетъ быть офиціально разрѣшено возвратиться въ магометанство, но, съ другой стороны, преслѣдованіе и притѣсненіе горсти вѣроотступниковъ, въ сущности никогда къ православію не принадлежавшихъ и всѣми своими симпатіями

отдавшихся магометанству, порождаетъ лишь безполезное раздраженіе, разжигающее и безъ того уже враждебный намъ татарскій фанатизмъ. Едва ли также можно ожидать существенной пользы отъ православной миссіонерской дѣятельности среди исконнаго магометанскаго населенія въ Приволжскомъ краѣ. Само-собою разумѣется что еслибы миссіонерское дѣло было поставлено у насъ на большую ногу, еслибъ оно обладало избыткомъ матеріальныхъ средствъ, достаточнымъ числомъ просвѣщенныхъ и энергическихъ дѣятелей, то попытки обращенія магометанъ, вопреки малой вѣроятности успѣха, могли бы еще находить себѣ нѣкоторое оправданіе. Но въ настоящее время, при скромныхъ средствахъ нашихъ миссіонерскихъ обществъ, дѣятельность ихъ, въ видахъ наибольшей пользы для дѣла, должна быть направляема къ распространенію православія среди инородцевъ-язычниковъ и къ удержанію въ немъ тѣхъ изъ нихъ которые числясь православными обнаруживаютъ однако нѣкоторое тяготѣніе къ магометанству. Обращеніе истаго магометанина, упорнаго, фанатичнаго, презирающаго христіанство и притомъ слишкомъ тѣсно связаннаго во всѣхъ своихъ вседневныхъ интересахъ со своими единовѣрцами, потребовало бы такой затраты энергіи и настойчивости со стороны нашихъ и безъ того немногочисленныхъ миссіонеровъ, которая ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствовала бы достигаемымъ результатамъ, тогда какъ то же количество энергіи и труда могло бы принести богатые результаты въ средѣ шаткаго въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ крещенаго и языческаго инородческаго населенія, а потому ясно что всѣ усилія нашей христіанской миссіи должны быть прежде всего направлены въ эту сторону; для того же чтобъ ею могли быть достигнуты наилучшіе результаты, желателенъ былъ бы со стороны правительства рядъ мѣропріятій которыя, оставаясь въ строгихъ границахъ вѣротерпимости, вліяли бы съ одной стороны на ослабленіе обаянія и значенія магометанства, съ другой— способствовали бы искорененію замкнутости и исключительности въ которую поставило себя татарское населеніе не только на почвѣ религіи, но и на почвѣ гражданственности.

Вопросъ о полномъ внутреннемъ сліяніи Заволжскаго края съ Россіей находится, слѣдовательно, въ зависимости отъ успѣшнаго разрѣшенія двойной задачи, а именно, отъ правильной постановки миссіонерскаго дѣла и отъ ослабленія

вліянія и обособленности магометанства. Ознакомившись сначала со способами разрѣшенія этой послѣдней задачи, въ заключеніе перейдемъ къ разсмотрѣнію миссіонерскаго вопроса насколько онъ выяснился изъ практики наиболѣе извѣстныхъ нашихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ.

IV.

Со времени окончательнаго присоединенія Казанскаго Царства къ Россіи и до нашихъ дней правительственная система по отношенію къ магометанству неоднократно измѣнялась, причемъ измѣненія эти нерѣдко совершались въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ. При Іоаннѣ Грозномъ, какъ извѣстно, принята была система гоненія: Казань была вовсе очищена отъ мечетей, также какъ и отъ магометанскаго населенія, которому предоставлялось селиться вдали отъ христіанскаго и крещенаго населенія; съ тѣмъ вмѣстѣ запрещалась постройка мечетей вблизи церквей. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ повелѣно было разметать мечети которыя стали было снова воздвигать въ неузаконенныхъ мѣстахъ. Система гоненія продолжалась въ теченіе всего XVII столѣтія, хотя надо полагать что за этотъ періодъ времени запретительные законы часто обходились, ибо мечети и школы начали вновь появляться всюду не стѣсняясь никакими правилами ограниченія. Такого рода нарушенія закона вызвали новый запретительный указъ, изданный въ 1742 году 19 ноября и повелѣвавшій вновь разрушить незаконно построенныя мечети. Но съ 1744 года начинается для Татаръ новая эра. Въ этомъ году появился указъ значительно расширявшій право постройки мечетей; немногія ограниченія оставлены были лишь для мѣстностей въ которыхъ преобладало христіанское населеніе, тамъ же гдѣ магометане находились въ большинствѣ разрѣшалась постройка мечетей по такому разчету чтобы на каждую изъ нихъ приходилось отъ 200 до 300 душъ прихожанъ, съ тѣмъ однако чтобы при увеличеніи населенія новыхъ мечетей не строить.

Съ этого времени число мечетей стало быстро возрастать, и такъ какъ въ ограничительныхъ правилахъ о мѣстностяхъ заселенныхъ язычниками не упоминалось, то магометане

воспользовались этимъ для открытія пропаганды среди Башкирскаго народа, въ большинствѣ принадлежавшаго еще къ шаманству и съ магометанствомъ въ то время весьма мало знакомаго. Такимъ образомъ начались первыя попытки распространенія ислама за предѣлы прежней его области.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II политика правительства приняла направленіе еще болѣе благопріятное для магометанъ. Принципамъ вѣротерпимости стали придавать самое широкое толкованіе. Указомъ 17 іюня 1773 года всякое вмѣшательство епархіальнаго начальства въ дѣло постройки мечетей окончательно отмѣнено. До какой степени съ этихъ поръ число ихъ стало быстро увеличиваться, можно видѣть изъ того что, по статистическимъ свѣдѣніямъ 70хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ одномъ Свіяжскомъ уѣздѣ во 116 деревняхъ числилось 119 мечетей, причемъ необходимо замѣтить что изъ числа означенныхъ деревень во 108 находились и новокрещеные изъ Татаръ; магометанъ же во всѣхъ 116 деревняхъ насчитывалось всего 14.007 человѣкъ, въ виду чего, полагая по 200 душъ на мечеть, число этихъ послѣднихъ не должно было превышать семидесяти. Въ Казанскомъ уѣздѣ въ то же время насчитывалось 118 мечетей; о числѣ мечетей въ прочихъ уѣздахъ точныхъ свѣдѣній не сохранилось, но надо полагать что и тамъ усердіе магометанъ къ интересамъ своей религіи было не менѣе велико. Вскорѣ при каждой мечети стали учреждаться татарскія школы, еще болѣе способствовавшія упроченію магометанства, тѣмъ болѣе что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ извѣстныхъ путешественниковъ того времени (Лепехина, Рычкова и др.), онѣ обращали на себя вниманіе искусною постановкой религіозно-воспитательнаго дѣла.

Заботы правительства о религіозныхъ интересахъ магометанъ доходили, наконецъ, до того что въ 1782 году 25 февраля обнародованъ былъ указъ о построеніи мечетей для богослуженія у Киргизовъ Средней Киргизъ-Кайсацкой орды, въ 1784 году 2 мая подтверждалось о скорѣйшемъ окончаніи постройки тѣхъ же мечетей, а въ 1785 году 4 сентября повелѣно при тѣхъ мечетяхъ построить татарскія школы и тутъ же завести караванъ-сараи, мечети обвести каменными оградами, пріискать учителей для школъ и, въ случаѣ надобности, увеличить самое число мечетей.

Цѣлью всѣхъ этихъ мѣропріятій было привлеченіе къ Россіи сочувствія восточныхъ инородческихъ племенъ и нѣкоторое смягченіе ихъ нравовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры эти значительно способствовали усиленію магометанства въ средѣ до того времени ему совершенно чуждой. Тѣмъ не менѣе, до тѣхъ поръ магометанскій міръ не составлялъ еще чего-либо цѣльнаго, самостоятельнаго, обособленнаго; органическаго единства между отдѣльными магометанскими приходами и обществами еще не было, каждый приходъ составлялъ отдѣльный магометанскій мірокъ связь котораго съ прочими приходами основана была лишь на отвлеченныхъ началахъ религіознаго единомыслія. Но въ 1788 году возникаетъ спеціальное учрежденіе съ которымъ создается единеніе магометанскаго міра на болѣе реальной почвѣ; въ 1788 году учреждается въ Уфѣ центральное управленіе дѣлами магометанъ, подъ названіемъ Оренбургскаго Магометанскаго Духовнаго Собранія, вѣдающее, впрочемъ, не исключительно духовныя дѣла, но простирающее свой авторитетъ и на нѣкоторыя семейныя и имущественныя отношенія магометанъ между собою. Во главѣ этого учрежденія ставится особый, высшій представитель магометанства, со званіемъ муфтія, котораго до тѣхъ поръ у нашихъ восточныхъ магометанъ не было. Такимъ образомъ, нашъ восточный магометанскій міръ объединяется въ обширное общество, съ самостоятельнымъ управленіемъ и особымъ представителемъ являющимся уполномоченнымъ заступникомъ магометанскихъ интересовъ предъ правительствомъ и представляющимъ силу съ которою этому послѣднему приходится считаться.

Въ какой мѣрѣ установленіе такого порядка вещей могло способствовать сближенію нашего магометанскаго Востока съ Россіей и сліянію магометанскаго населенія съ кореннымъ русскимъ, предугадать не трудно: оно лишь укрѣпило въ магометанахъ сознаніе ихъ силы и самостоятельности, и создавъ между ними органическое единство усилило лишь энергію съ которою магометанское ученіе проводилось въ среду мѣстныхъ инородцевъ. До какой степени учрежденіе Магометанскаго Духовнаго Собранія согласовалось съ интересами магометанъ можно уже судить по тому что хотя оно и было искусственнымъ созданіемъ русскаго законодательства, но прижилось и укрѣпилось настолько что теперь быть-можетъ оказалось бы и не совсѣмъ удобнымъ упраздненіе его. Тѣмъ

не менѣе еще въ пятидесятыхъ годахъ возникла мысль о несостоятельности существующаго положенія объ управленіи духовными дѣлами магометанъ, и по иниціативѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ приступлено было ко всестороннему разсмотрѣнію этого вопроса, вслѣдствіе чего разными лицами представлено было нѣсколько проектовъ и мнѣній касавшихся главнымъ образомъ слѣдующихъ вопросовъ:

1) О составѣ Духовнаго Собранія и цѣлесообразности его какъ коллегіальнаго учрежденія.

2) О порядкѣ избранія и утвержденія въ должностяхъ магометанскаго духовенства и объ условіяхъ коимъ должны удовлетворять кандидаты на эти должности.

3) О наиболѣе правильныхъ основаніяхъ для образованія магометанскаго прихода.

Разсмотримъ эти вопросы въ отдѣльности.

1) *О составѣ Духовнаго Собранія и цѣлесообразности его какъ коллегіальнаго учрежденія.*

На основаніи существующихъ узаконеній, предметы вѣдомства Оренбургскаго Магометанскаго Духовнаго Собранія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

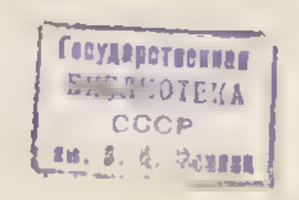
а) *Духовная администрація:* испытаніе лицъ избранныхъ магометанскими обществами на духовныя должности въ знаніи магометанскаго закона; надзоръ за дѣйствіями ихъ, опредѣленіе виновности и взысканій; дѣла касающіяся богослуженія, обрядовъ, требъ, постройки мечетей и т. п.

б) *Духовный судъ:* дѣла о заключеніи и расторженіи браковъ и объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ.

в) *Гражданскій судъ* (по магометанскому закону—Шаріату): спорныя дѣла по завѣщаніямъ и наслѣдствамъ, а также имущественныя притязанія при расторженіи браковъ и споры между родителями и дѣтьми.

г) Провѣрка метрическихъ книгъ и выдача по нимъ свидѣтельствъ и справокъ.

Ближайшее разсмотрѣніе дѣятельности Духовнаго Собранія показываетъ, вопервыхъ, что испытаніе въ знаніи закона лицъ избранныхъ на магометанскія духовныя должности есть безполезная формальность, ибо, съ одной стороны, никакихъ правилъ для таковыхъ испытаній не выработано, съ другой стороны, члены Собранія нерѣдко лишены возможности производить испытанія за недостаткомъ теологическихъ знаній. Практика этого дѣла показываетъ что не было еще

примѣра чтобъ избранный кандидатъ не выдержалъ испытанія, ограничивающагося обыкновенно простымъ взносомъ извѣстной суммы въ пользу Собранія и безполезнымъ странствованіемъ муллъ въ Уфу и обратно. Между тѣмъ процедура эта, оставляемая Собраніемъ, не желающимъ разстаться съ этою небезвыгодною для него прерогативой, не пользуется сочувствіемъ магометанскаго населенія, усматривающаго въ ней стѣсненіе своихъ избирательныхъ правъ и вмѣшательство въ ихъ внутреннія дѣла со стороны правительства. Вотъ, напримѣръ, что̀ пишетъ объ этомъ неизвѣстный авторъ издавшій на арабскомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ: *О вмѣшательствѣ Московскаго правительства въ магометанскія дѣла* (выдержка заимствована изъ перевода профессора Казанской Духовной Академіи священника Малова).

„Имама избираютъ прихожане и даютъ ему приговоръ; но потомъ необходимо нужна повѣрка со стороны гражданскихъ (русскихъ) чиновниковъ... Затѣмъ слѣдуетъ экзаменъ въ Духовномъ Магометанскомъ Собраніи удостовѣряющемъ познанія муллы, его религіозность, нравственность, благочестіе, честность и добросовѣстность. *Не довольствуясь такимъ вмѣшательствомъ, Россія* усиливаетъ его еще учрежденіемъ такъ-называемыхъ религіозныхъ братствъ"...

Итакъ, принимая въ соображеніе что аттестація й окончательное утвержденіе муллъ лежитъ на обязанности губернскаго начальства (ст. 1.249 Уст. Ин. Исп.), отмѣна вышеупомянутой формальности могла бы послѣдовать не только безо всякаго ущерба для дѣла и безъ нарушенія магометанскаго закона, но даже при полнѣйшемъ сочувствіи со стороны магометанскаго населенія, причемъ ее можно было бы замѣнить простымъ запросомъ со стороны утверждающей инстанціи о согласіи муфтія на утвержденіе избраннаго кандидата.

Не менѣе формальнымъ оказывается надзоръ Духовнаго Собранія за дѣйствіями такъ-называемаго духовенства. Собраніе не имѣетъ къ тому ни средствъ, ни органовъ; ему закономъ не предоставлено право ревизіи, муллы же со своей стороны не обязаны доставлять Собранію свѣдѣній или отчетовъ о своей дѣятельности. Если же при этомъ имѣть въ виду что никакихъ посредствующихъ инстанцій между Собраніемъ и муллами нѣтъ и что вообще отношенія высшаго и приходскаго магометанскаго духовенства закономъ не опредѣлены и не установлено между ними никакого порядка

подчиненности, то не останется сомнѣнія относительно фиктивности упомянутаго надзора который въ дѣйствительности находится въ рукахъ свѣтской власти.

Между тѣмъ на магометанскомъ духовенствѣ, кромѣ исключительно религіозныхъ обязанностей, лежатъ различныя обязанности служебнаго свойства. Никакого разграниченія между тѣми и другими закономъ также не положено; на случаи нарушенія какъ тѣхъ, такъ и другихъ установленъ одинъ и тотъ же порядокъ подсудности. Отсюда слѣдуетъ что, съ одной стороны, Духовному Собранію ввѣряется часть общеадминистративной власти, съ другой стороны—гражданская власть иногда не можетъ избѣгнуть вмѣшательства въ дѣла религіи. Какъ то, такъ и другое одинаково нежелательно, а потому всѣ дѣла о преступленіяхъ по должности полезно было бы отдѣлить въ вѣдѣніе свѣтской власти; надзоръ же за порядкомъ богослуженія, обрядовъ, отправленія требъ и др. предоставить муфтію, не входя въ подробное опредѣленіе ни предметовъ вѣдомства его, ни предѣловъ власти, такъ какъ всякая подобная регламентація въ сферѣ его духовнаго авторитета представляла бы родъ вмѣшательства въ дѣла религіи. Точно также лежащія нынѣ на Духовномъ Собраніи обязанности по изъявленію согласія на постройку и починку мечетей разрѣшенныхъ губернскимъ правленіемъ могли бы безо всякаго ущерба для дѣла войти въ предѣлы единоличной власти муфтія.

Тѣмъ не менѣе необходимость коллегіальнаго устройства высшаго магометанскаго духовнаго управленія могла бы еще быть признана еслибъ ему было между прочимъ придано значеніе высшей инстанціи духовнаго суда для магометанъ. Въ дѣйствительности этого нѣтъ; напротивъ, въ законѣ не опредѣлены границы компетентности центральнаго учрежденія и приходскаго духовенства въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, а потому лишь незначительная часть дѣлъ подлежащихъ духовному суду по магометанскому закону поступаетъ въ Оренбургское Духовное Собраніе, остальныя же вѣдаются непосредственно самими муллами. Отсюда выходитъ что къ однимъ и тѣмъ же дѣламъ примѣняются двѣ формы суда—единоличный судъ муллы и коллегіальный судъ Собранія, причемъ права муллъ оказываются шире правъ муфтія, ибо первые разрѣшаютъ единолично такія дѣла въ которыхъ муфтію принадлежитъ лишь голосъ предсѣдателя.

Ненормальность такого положенія вещей очевидна сама собою, а между тѣмъ оно равно существуетъ и для дѣлъ гражданскаго характера разрѣшаемыхъ на основаніи Шаріата, изъ которыхъ едва одна седьмая часть вѣдается Духовнымъ Собраніемъ, остальныя же идутъ на разрѣшеніе приходскаго духовенства. Такъ какъ судъ по Шаріату допускается въ случаяхъ имущественныхъ споровъ при расторженіи браковъ, раздѣлѣ наслѣдства или между родителями и дѣтьми лишь при такомъ условіи чтобъ обѣ стороны изъявили согласіе на разрѣшеніе спора духовнымъ судомъ, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тяжущіяся стороны обращаются къ тому духовному лицу которое пользуется въ ихъ глазахъ наибольшимъ авторитетомъ. Такимъ образомъ, заботы правительства объ установленіи, для разрѣшенія этого рода дѣлъ, особой формы суда съ коллегіальнымъ устройствомъ по меньшей мѣрѣ излишни, тѣмъ болѣе что было бы желательно, напротивъ, отсутствіе какой бы то ни было правительственной опеки въ дѣлахъ касающихся взаимныхъ отношеній магометанъ между собою.

Остается слѣдовательно четвертая функція Магометанскаго Духовнаго Собранія—повѣрка метрическихъ свѣдѣній. Метрическія книги ведутся муллами на татарскомъ языкѣ, недоступномъ для секретаря и прочихъ чиновъ управленія Духовнаго Собранія, вслѣдствіе чего повѣрка записей, выдача свидѣтельствъ и справокъ лежитъ всецѣло на обязанности членовъ Собранія. При такихъ условіяхъ, точное исполненіе этихъ задачъ, по значительности труда и огромному количеству метрическихъ книгъ, нисколько не гарантировано, а потому было бы цѣлесообразнѣе передать это дѣло въ волостныя и городскія управленія, которыя могли бы вести книги на основаніи свѣдѣній доставляемыхъ муллами на русскомъ языкѣ.

Въ теченіе 1880 года въ Оренбургское Духовное Собраніе поступило 1.130 дѣлъ. Изъ нихъ 49% относятся къ испытаніямъ кандидатовъ на духовныя должности, къ повѣркѣ метрическихъ книгъ и выдачѣ свидѣтельствъ и справокъ, къ постройкѣ и ремонту мечетей; 23% по прочимъ предметамъ духовной администраціи; 18% по вѣдомству духовнаго суда и 10% по вѣдомству суда гражданскаго.

Цифры эти, дополняя собою вышеизложенныя соображенія, подтверждаютъ безполезность высшей магометанской

духовной коллегіи и возможность упраздненія ея, съ передачей веденія метрическихъ книгъ въ волостныя и городскія управленія, съ уничтоженіемъ испытаній на должности муллъ, съ точнымъ опредѣленіемъ нарушеній служебныхъ обязанностей магометанскаго духовенства подлежащихъ вѣдѣнію свѣтской администраціи или общихъ судовъ и съ передачей всѣхъ прочихъ административныхъ и судебныхъ функцій Собранія въ непосредственное вѣдѣніе муфтія. Подобная мѣра не только не противорѣчила бы принципу вѣротерпимости, но едва ли могла бы встрѣтить несочувствіе въ магометанскомъ населеніи, такъ какъ Магометанское Духовное Собраніе есть созданіе русскаго законодательства и не имѣетъ ни малѣйшей связи съ магометанскимъ закономъ. Какъ бы то ни было, но всѣ желательныя преобразованія въ дѣлѣ управленія духовными дѣлами магометанъ должны были бы начаться упраздненіемъ Духовнаго Сбранія и сосредоточеніемъ высшей духовной власти въ лицѣ муфтія, съ тѣмъ чтобы всѣ дальнѣйшія мѣропріятія исходили уже отъ него или по крайней мѣрѣ при его поддержкѣ.

2. *О порядкѣ избранія и утвержденія въ должностяхъ магометанскаго духовенства и объ условіяхъ которымъ должны удовлетворять кандидаты на эти должности.*

Относительно этого вопроса достойны вниманія: мнѣніе состоявшаго при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ тайнаго совѣтника Каземъ-Бека и нѣкоторыя части проекта представленнаго оренбургскимъ муфтіемъ. Тайный совѣтникъ Каземъ-Бекъ, въ запискѣ составленной имъ по этому поводу, разсматриваетъ данный вопросъ съ точки зрѣнія порядковъ существующихъ въ магометанскихъ государствахъ и, сопровождая изслѣдованіе свое ссылками на Шаріатъ, доказываетъ что только имамы должны быть избираемы обществомъ, остальные же чины магометанскаго духовенства, какъ-то: муфтій, кадіи и хатыпы должны быть назначаемы свѣтскою властью. Тою же запиской предлагается отмѣна установленнаго при Оренбургскомъ Духовномъ Собраніи испытанія кандидатовъ на духовныя должности.

Въ проектѣ оренбургскаго муфтія выражается, между прочимъ, сознаніе высшею магометанскою духовною властью своего безсилія въ надзорѣ за правильною и законною дѣятельностью муллъ. Дабы установить болѣе дѣйствительный контроль надъ ними, оренбургскій муфтій предлагаетъ изъ

числа муллъ особенно усердныхъ и знающихъ назначать участковыхъ ахуновъ, соотвѣтствующихъ кадіямъ Таврическаго магометанскаго округа или нашимъ благочиннымъ. Кромѣ того, муфтій предлагаетъ избирать засѣдателей въ Духовное Собраніе не изъ одной Казанской губерніи (положеніе 1788 года), но по одному отъ каждой губерніи Оренбургскаго магометанскаго округа, соблюдая очередь.

Замѣчательно что мнѣнія главныхъ начальниковъ Оренбургскаго края, генералъ-адъютантовъ Безака и Крыжановскаго, прямо расходятся съ предшедшими. Лишь относительно испытанія кандидатовъ на духовныя должности генералъ Крыжановскій соглашался съ мнѣніемъ тайнаго совѣтника Каземъ-Бека. Что же касается права магометанъ на избраніе духовныхъ лицъ, то оба генералъ-губернатора одинаково не находятъ въ этомъ никакихъ неудобствъ для мѣстной администраціи, пользующейся рѣшающимъ голосомъ въ вопросѣ объ утвержденіи избранныхъ лицъ въ должностяхъ, и полагаютъ, напротивъ, что подобная мѣра была бы принята несочувственно магометанскимъ населеніемъ, которое могло бы счесть ее не только посягательствомъ на свои права, но и вмѣшательствомъ въ дѣла религіи.

Установленіе посредствующихъ органовъ между центральнымъ духовнымъ управленіемъ и приходскимъ духовенствомъ генералъ-губернаторами признается безусловно излишнимъ, ибо, по ихъ мнѣнію, оно повело бы лишь къ увеличенію численности магометанскаго духовенства и къ возвышенію іерархическаго его значенія. И дѣйствительно, опредѣленіе предѣловъ власти приходскаго духовенства и изысканіе способовъ надзора за дѣятельностью его со стороны высшаго духовнаго управленія, какъ относящіяся къ дѣламъ вѣры, не должны составлять предмета заботъ правительства, со стороны котораго желательно было бы только установленіе закона объ ограниченіи обязанностей магометанскаго духовенства исключительно дѣлами вѣры и мировымъ разбирательствомъ по Шаріату.

Предложенію оренбургскаго муфтія объ избраніи засѣдателей въ Духовное Собраніе изо всѣхъ губерній округа, съ соблюденіемъ очереди, повидимому не было придано никакого значенія, ибо вопросъ этотъ долго оставался безъ движенія. Въ послѣднее время, однако, муфтій выступилъ съ нимъ вторично, и на этотъ разъ встрѣтилъ сочувствіе къ своему

предложенію со стороны бывшаго главноначальствующаго Департаментомъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, вступившаго по этому поводу въ переписку съ мѣстными губернаторами. Тѣмъ не менѣе, независимо отъ вышеизложенныхъ соображеній, указывающихъ безполезность высшей магометанской духовной коллегіи вообще, всякое измѣненіе въ установленномъ для избранія членовъ означенной коллегіи порядкѣ повело бы только къ приданію излишняго значенія этому учрежденію, къ расширенію правъ магометанъ въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ и къ установленію въ ихъ общественной жизни новаго объединяющаго элемента. Вообще говоря, въ порядкѣ управленія дѣлами магометанъ можетъ быть допущено statu quo, но преобразованія, еслибы таковыя были признаны полезными, желательны были бы въ направленіи ослабляющемъ всѣ элементы силы и значенія магометанства, а отнюдь не въ обратномъ направленіи.

Относительно условій коимъ должны удовлетворять кандидаты на духовныя должности, всѣ высказанныя до сихъ поръ мнѣнія единогласно признаютъ необходимость прежде всего требовать отъ муллъ знанія русскаго языка. Оставляя выборное начало во всей его силѣ и отстраняя отъ себя вопросъ о духовной компетентности лицъ избранныхъ на должность муллъ, правительство должно требовать, въ видѣ единственнаго ограниченія правъ на пріобрѣтеніе этого званія, знакомства съ русскимъ языкомъ, насколько знаніемъ этимъ обусловливается правильное отправленіе муллами ихъ обязанностей. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ, между прочимъ, и веденіе метрическихъ книгъ, контролированіе правильности коихъ и выдача свидѣтельствъ и справокъ сопряжены были бы со значительно меньшими затрудненіями еслибы книги велись на русскомъ языкѣ, вмѣсто татарскаго. Но незнакомство муллъ съ русскимъ языкомъ еще болѣе даетъ себя чувствовать въ вопросѣ о введеніи преподаванія русскаго языка въ татарскихъ школахъ. Устройство русскихъ классовъ съ особымъ, русскимъ преподавателемъ при этихъ школахъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать тѣхъ результатовъ на какіе можно было бы разчитывать еслибы русскій языкъ преподавался самими муллами, ибо, съ одной стороны, повсемѣстное устройство русскихъ классовъ при мектебе сопряжено съ массой затрудненій, изъ которыхъ недостатокъ

средствъ и учителей, достаточно притомъ владѣющихъ татарскимъ языкомъ дабы съ успѣхомъ преподавать въ татарскихъ школахъ, составляютъ далеко еще не единственныя. Съ другой стороны, русскіе классы, тамъ гдѣ они есть, посѣщаются мало, возбуждая къ себѣ подозрѣніе магометанъ опасающихся чтобы въ нихъ не введено было преподаваніе и русскаго вѣроученія. Опасенія эти въ магометанахъ тѣмъ болѣе понятны что Татаринъ разумѣетъ школу исключительно только съ религіозно образовательными цѣлями, а слѣдовательно не можетъ себѣ представить и русской школы безъ преподаванія русской религіи. Между тѣмъ, еслибы русская грамота преподавалась самими муллами, то хотя бы уровень успѣховъ учащихся отъ этого нѣсколько и понизился, за то качество знаній вознаградилось бы количествомъ знающихъ, ибо въ виду массы учащихся въ татарскихъ школахъ можно было бы разчитывать что въ послѣдующихъ поколѣніяхъ знаніе русскаго языка сдѣлается общимъ достояніемъ нашихъ приволжскихъ магометанъ. Само собою разумѣется что съ распространеніемъ русской грамотности среди Татаръ можно было бы современемъ потребовать отъ муллъ и болѣе основательнаго знанія русскаго языка; въ настоящее же время достаточно было бы ограничиться требованіемъ умѣнья читать и писать, что̀ могло бы быть достигнуто изданіемъ закона по коему каждый избранный обществомъ кандидатъ на должность муллы обязанъ былъ бы представить свидѣтельство о выдержаніи испытанія въ русской грамотѣ при русскомъ начальномъ училищѣ.

Вообще говоря, языкъ всегда служилъ главнымъ орудіемъ сближенія между разноплеменными народами, и не подлежитъ сомнѣнію что не миссіонерскою пропагандой среди упорствующихъ въ своемъ невѣжествѣ и фанатизмѣ мусульманъ, а знакомствомъ ихъ съ русскою рѣчью можно скорѣе всего достичь возможнаго слiянія татарскаго населенія съ кореннымъ русскимъ. А между тѣмъ требованіе отъ муллъ знанія русской грамоты, кромѣ непосредственной его цѣли, повело бы еще и косвеннымъ путемъ къ ослабленію фанатизма магометанскаго духовенства, ибо, съ одной стороны, удовлетвореніе этому требованію сопряжено было бы для готовящихъ себя къ занятію духовныхъ должностей съ необходимостью получать образованіе въ предѣлахъ Россіи, а съ другой стороны, устранило бы отъ духовно-просвѣтительной

дѣятельности самыхъ упорныхъ фанатиковъ, ищущихъ высшаго магометанскаго просвѣщенія въ центральной Азіи, Константинополѣ и въ Каирѣ.

Масса желающихъ занять почетныя въ магометанскомъ мірѣ должности муллъ служитъ порукой что въ охотникахъ учиться русскому языку, если это отъ нихъ потребуется, недостатка не будетъ; это вполнѣ было сознано Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, еще въ 1870 году предлагавшимъ требовать знанія русскаго языка отъ магометанъ желающихъ занять духовныя или общественныя должности (8й пунктъ журнальнаго постановленія Совѣта Мин. Нар. Пр. отъ 2 февраля 1870 года, за № 42). Означенное постановленіе Совѣта Министерства Высочайше утверждено во всемъ своемъ объемѣ, *за исключеніемъ 8го пункта*, какъ требовавшаго особыхъ узаконеній. Узаконенія эти до сихъ поръ однако не выработаны, и вопросъ о введеніи русской грамоты въ татарскихъ школахъ остается въ томъ же положеніи.

3. *О наиболѣе правильныхъ основаніяхъ для образованія магометанскаго прихода.*

До настоящаго времени дѣйствуютъ еще законоположенія изданныя въ прошломъ столѣтіи и опредѣляющія приходъ численностью прихожанъ отъ 200 до 300 душъ обоего пола. Въ тѣ времена, при сравнительной малочисленности и разбросанности населенія, такая норма до нѣкоторой степени соотвѣтствовала дѣйствительнымъ потребностямъ магометанъ, ограничивая вмѣстѣ съ тѣмъ безполезное увеличеніе числа молитвенныхъ учрежденій. Но въ настоящее время законъ этотъ едва ли можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ, ибо нерѣдко на основаніи его устроиваются мечети въ инородческихъ деревняхъ съ самымъ ничтожнымъ числомъ магометанъ, подъ тѣмъ предлогомъ что къ мечетямъ этимъ приписывается излишекъ населенія оставшійся отъ образованія сосѣднихъ приходовъ. Само собою разумѣется что за отдаленностью этихъ послѣднихъ числящіеся въ нихъ сверхъ установленной закономъ нормы прихожане вовсе не посѣщаютъ мечетей къ которымъ искусственно приписаны, а между тѣмъ мечети эти являются. разсадниками магометанской пропаганды, въ особенности если близь деревни въ которой находится мечеть не имѣется православной церкви. Въ этихъ случаяхъ нетвердые въ

своихъ христіанскихъ вѣрованіяхъ инородцы легко уклоняются отъ православія и фактически переходятъ въ магометанство, побуждаемые къ тому нерѣдко одною только близостью мечетей.

Такой порядокъ образованія приходовъ неудобенъ также въ отношеніи правильности веденія метрическихъ книгъ. Казалось бы болѣе практичнымъ, отмѣнивъ законъ ограничивающій магометанскій приходъ опредѣленною численностью прихожанъ и не создавая новыхъ подобныхъ тому ограниченій, постановить лишь правиломъ чтобы постройка мечетей разрѣшалась по приговорамъ обществъ составленнымъ въ законномъ порядкѣ. Мѣра эта сама собою привела бы къ желательному и болѣе цѣлесообразному совпаденію приходовъ съ деревенскими обществами и къ отмѣнѣ нынѣшняго искусственнаго образованія первыхъ.

Изо всего вышесказаннаго можно заключить что дабы ослабить значеніе магометанства въ Краѣ и обособленность магометанскаго населенія, желательно, вопервыхъ, точное разграниченіе духовныхъ и свѣтскихъ обязанностей такъ-называемаго магометанскаго духовенства съ отнесеніемъ послѣднихъ къ вѣдомству общихъ административныхъ и судебныхъ учрежденій и полное невмѣшательство какъ въ дѣла религіи, такъ и вообще въ опредѣленіе взаимныхъ отношеній духовныхъ магометанскихъ властей между собою и къ прихожанамъ; признаніе въ принципѣ духовнаго магометанскаго суда по Шаріату, не исключая и имущественныхъ споровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ устраненіе свѣтскихъ исполнительныхъ органовъ правительства отъ обязанностей по приведенію въ исполненіе приговоровъ означеннаго суда; вовторыхъ, упраздненіе высшей магометанской коллегіи, функціи которой съ одной стороны должны быть отмѣнены (испытаніе на званіе муллъ), съ другой стороны должны отойти частью въ вѣдѣніе свѣтскихъ органовъ правительства (веденіе и повѣрка метрическихъ книгъ, выдача свидѣтельствъ и пр.), частью же въ вѣдѣніе муфтія (духовная администрація, духовный судъ и гражданскій судъ по Шаріату), при единоличномъ авторитетѣ коего правительству легче вводить въ магометанскій міръ желательныя преобразованія; втретьихъ, обязательное знаніе муллами русскаго языка, утвержденіе ихъ въ должностяхъ не иначе какъ по предъявленіи ими свидѣтельства въ выдержаніи испытанія по русскому языку при

какомъ-либо изъ русскихъ народныхъ училищъ и обязательное преподаваніе русскаго языка въ татарскихъ школахъ; вчетвертыхъ, отмѣна закона опредѣляющаго магометанскій приходъ произвольною и не имѣющею въ настоящее время практическаго основанія цифрой 200—300 душъ прихожанъ и замѣна этого закона постановленіемъ о постройкѣ мечетей не иначе какъ по общественнымъ приговорамъ составленнымъ въ законномъ порядкѣ.

Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ соображеніямъ должно замѣтить что хотя съ 1874 года магометанскія школы (медресе, мектебе и частныя школы) подчинены Министерству Народнаго Просвѣщенія и поручены непосредственному завѣдыванію особыхъ инспекторовъ надъ татарскими школами, но на дѣлѣ инспекторскій надзоръ существуетъ лишь фиктивно, какъ по отсутствію инструкціи опредѣляющей предѣлы его правъ и обязанностей, такъ и по недостатку законовъ на основаніи коихъ магометанскія школы могли бы быть организованы болѣе правильно и однообразно. Пополненіе этихъ пробѣловъ въ нашемъ законодательствѣ составляетъ предметъ первой необходимости въ интересахъ проведенія здравыхъ началъ въ школьную систему на магометанскомъ Востокѣ.

V.

До сихъ поръ рѣчь шла только о мѣрахъ, такъ-сказать, пассивныхъ, которыя не могутъ сами по себѣ оказать непосредственнаго содѣйствія положительнымъ успѣхамъ христіанства въ краѣ; назначеніе ихъ заключается очевидно только въ устраненіи или ослабленіи вліянія той силы которая являлась главнымъ противодѣйствующимъ элементомъ въ общемъ ходѣ христіанскаго развитія среди мѣстныхъ инородцевъ. Само собою разумѣется что рядомъ съ этимъ должна быть установлена другая система мѣръ положительныхъ, построенная на раціональныхъ началахъ выработанныхъ практикой и притомъ устойчивая, огражденная отъ постоянныхъ колебаній въ ту и другую сторону коими такъ сильно подрывался до сихъ поръ успѣхъ миссіонерскаго дѣла на нашихъ восточныхъ окраинахъ. Въ началѣ этой статьи показано было какъ часто мѣнялась правительственная

система въ теченіе истекшихъ столѣтій. По закрытіи Новокрещенской Конторы въ царствованіе императрицы Екатерины II миссіонерское дѣло окончательно остановилось, а затѣмъ, какъ извѣстно, послѣдовалъ непрерывный рядъ вѣроотступничествъ, какъ естественное слѣдствіе продолжавшейся магометанской пропаганды, которая освободилась ото всякаго противодѣйствія со стороны христіанской миссіи, фактически упраздненной. Наконецъ, когда въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ миссіонерство какъ бы снова стало оживляться, то и тутъ не было ему оказано со стороны правительства того строго опредѣленнаго содѣйствія, той твердой опоры безъ которыхъ частная иниціатива безсильна бороться съ такою могущественною силой какъ магометанская пропаганда, опирающаяся на вѣковыхъ устояхъ которые христіанской пропагандѣ приходится еще только созидать въ Краѣ.

Главными устоями этими, какъ показано выше, являются, вопервыхъ, этнографическія условія, изъ коихъ первенствующая роль принадлежитъ конечно сходству инородческихъ нарѣчій съ татарскимъ языкомъ, являющимся такимъ образомъ готовымъ орудіемъ магометанской пропаганды, и затѣмъ единодушная, энергическая и безкорыстная работа такъ-называемаго магометанскаго духовенства въ интересахъ религіи, многочисленность магометанскихъ богослужебныхъ учрежденій и школъ, строго религіозное направленіе этихъ послѣднихъ, пользующихся вслѣдствіе того особою популярностью среди массы населенія естественно склоннаго къ пріобрѣтенію прежде всего религіозныхъ познаній, какъ наиболѣе для него важныхъ, вытекающее изо всѣхъ этихъ условій едва ли не поголовное знаніе каждымъ магометаниномъ какъ догматовъ, такъ и обрядовой стороны своего вѣроученія, вызывающее естественное уваженіе къ нему со стороны ниже его стоящихъ по развитію инородцевъ и т. п. Если уже магометанство обставленное всѣми этими условіями могло пріобрѣсти такую силу и обаяніе, то легко себѣ представить какую силу пріобрѣло бы христіанство при тѣхъ же обстоятельствахъ; понятно въ какой мѣрѣ облегчилась бы задача миссіонерства еслибъ оно, съ одной стороны, владѣло тѣмъ же орудіемъ проповѣди—понятною для инородцевъ рѣчью, еслибъ оно встрѣчало повсюду единодушное и безкорыстное содѣйствіе уважаемаго и популярнаго приходскаго духовенства,

еслибы для удовлетворенія религіозныхъ потребностей населенія было необходимое количество храмовъ Божіихъ, а для распространенія религіозныхъ знаній достаточное число школъ и учителей, еслибы, наконецъ, хотя коренное христіанское населеніе своею твердостью въ вѣрѣ и религіознымъ развитіемъ внушало къ себѣ то уваженіе какимъ пользуются среди инородцевъ несомнѣнно развитые въ религіозномъ смыслѣ и вѣрные своимъ религіознымъ преданіямъ магометане.

Къ сожалѣнію, ни одно изъ этихъ требованій по отношенію къ Православной Церкви не удовлетворено вполнѣ, а потому необходимо изслѣдовать какими способами можно достичь удовлетворенія ихъ хотя бы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Орудіемъ миссіонерской пропаганды, доступною для массы инородческаго населенія рѣчью—русскій языкъ въ настоящее время очевидно быть не можетъ. Не имѣя съ инородческими нарѣчіями ни малѣйшаго сходства ни въ отношеніи созвучія, ни въ отношеніи грамматическихъ формъ, русская рѣчь, со временемъ, при извѣстной постановкѣ народно-образовательнаго дѣла, при сліяніи инородцевъ съ кореннымъ православнымъ населеніемъ въ общихъ религіозныхъ интересахъ и при другихъ подобныхъ обстоятельствахъ, по всей вѣроятности сдѣлается общедоступною, но пока, въ видахъ успѣха христіанской проповѣди, она должна быть замѣнена болѣе понятною для обращаемыхъ рѣчью, откуда естественно возникаетъ необходимость подготовки для миссіонерской практики лицъ свободно владѣющихъ хотя бы однимъ изъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ. Истина эта признана уже съ давнихъ поръ, но и до настоящаго времени въ пользу ея сдѣлано весьма немного. Подготовки миссіонеровъ владѣющихъ мѣстными нарѣчіями можно достигнуть двоякимъ способомъ: учрежденіемъ подготовительныхъ школъ для будущихъ миссіонеровъ изъ Русскихъ съ непремѣннымъ введеніемъ въ курсъ преподаванія хотя бы одного изъ мѣстныхъ нарѣчій, или устройствомъ подобныхъ же школъ для крещеныхъ инородцевъ желающихъ посвятить себя этой полезной дѣятельности. Наконецъ, оба эти условія могутъ быть соединены учрежденіемъ смѣшанныхъ школъ для тѣхъ и другихъ. Такимъ именно учрежденіемъ является въ дѣйствительности Казанская Учительская Семинарія, подъ вѣдѣніемъ извѣстнаго своею просвѣщенною миссіонерскою

дѣятельностью г. Ильминскаго подготовляющая людей не только знающихъ мѣстныя нарѣчія и потому могущихъ свободно принять на себя распространеніе христіанскаго ученія, но соединяющихъ въ себѣ и всѣ тѣ качества которыя могутъ быть желательны въ просвѣтителяхъ народа. Взятые обязательно изъ крестьянской среды, съ непремѣннымъ условіемъ чтобы не менѣе половины ихъ были Русскіе, юноши эти получаютъ воспитаніе, при самыхъ скромныхъ, хотя и удовлетворительныхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ духѣ строгаго уваженія къ религіи и семейному быту. Система воспитанія основанная на дисциплинѣ зиждущейся на глубокомъ уваженіи и привязанности къ воспитателямъ образуетъ изъ этой молодежи людей сохраняющихъ связь съ воспитателями и заведеніемъ въ теченіе едва ли не всей своей жизни; рѣдко рѣшаются они на какой-нибудь серіозный шагъ не посовѣтовавшись предварительно со своимъ бывшимъ воспитателемъ г. Ильминскимъ. Пройдя курсъ наукъ по объему болѣе чѣмъ достаточный для просвѣтителей народа, по качеству усвоиваемыхъ ими знаній превосходящій все что̀ можетъ быть желательно въ этомъ отношеніи, юноши эти вступая на поприще практической дѣятельности вполнѣ оправдываютъ возлагавшіяся на нихъ надежды: всѣ имѣвшіе случай видѣть школы руководимыя воспитанниками семинаріи г. Ильминскаго единогласно хвалятъ успѣшный ходъ учебнаго дѣла въ этихъ школахъ. Таковы отзывы не только частныхъ лицъ, но и людей вникавшихъ въ дѣло по своему официальному положенію, а отзывы эти притомъ одинаковы какъ со стороны епархіальнаго начальства, такъ и со стороны учебнаго вѣдомства и земскихъ дѣятелей. Мало того, можно указать даже на такіе случаи что неокончившему еще курсъ ученику семинаріи достаточно было въ теченіе лѣтнихъ каникулъ погостить въ родной деревнѣ чтобы тамъ образовался небольшой, но стройный пѣвческій хоръ въ мѣстной церкви, чтобы въ мѣстномъ населеніи проявилось желаніе учредить школу, чтобъ обнаружился рѣзкій поворотъ народныхъ симпатій въ сторону христіанства.

Подъ высшимъ наблюденіемъ г. Ильминскаго находится въ Казани и другая учительская школа, для подготовки учителей въ крещено-татарскія школы. Училище это, подъ названіемъ Центральной Крещено-Татарской Школы, хотя по

объему преподаванія и внѣшней обстановкѣ стоитъ значительно ниже семинаріи, но находясь подъ непосредственнымъ руководствомъ священника Тимоѳеева (изъ старокрещеныхъ Татаръ), отдавшагося этому дѣлу по призванію и притомъ пользующагося общими указаніями г. Ильминскаго, принесло также не мало пользы дѣлу христіанскаго просвѣщенія въ Краѣ и снабдило крещено-татарскія школы учителями вполнѣ удовлетворяющими своему назначенію. Все это ясно указываетъ въ какой мѣрѣ христіанская пропаганда можетъ найти себѣ опору въ правильной организаціи народнаго образованія и въ какой мѣрѣ учебныя заведенія организованныя по образцу вышеупомянутыхъ необходимы въ Краѣ населенномъ многолюдными инородческими племенами, по уровню развитія своего и благопріятствующимъ тому этнографическимъ условіямъ слишкомъ легко склоняющимися на сторону магометанства. Польза приносимая Казанскою учительскою семинаріей и Центральною Крещено-Татарскою Школой несомнѣнна, но она слишкомъ незначительна по числу подготовляемыхъ ими дѣятелей (въ семинаріи получаютъ воспитаніе до 160 мальчиковъ, въ школѣ до 40 мальчиковъ и 35 дѣвочекъ), а потому желательно увеличеніе числа учебныхъ заведеній подобныхъ вышеописаннымъ, желательно тѣмъ болѣе что они доказали свою цѣлесообразность и такимъ образомъ подтвердили на практикѣ непогрѣшимость тѣхъ принциповъ которые недавно еще входили въ область теоріи. Сочувствіе населенія къ молодымъ учителямъ изъ Казанской семинаріи и Крещено-Татарской Школы и къ находящимся въ ихъ завѣдываніи народнымъ училищамъ лучше всего доказываетъ что просвѣщеніе инородцевъ въ христіанскомъ духѣ встрѣчаетъ препятствіе не въ упорствѣ языческихъ суевѣрій инородческаго населенія, не въ исключительной склонности къ магометанству, а главнымъ образомъ въ органическихъ недостаткахъ самыхъ школъ которыя даютъ инородцамъ не то развитіе котораго они ищутъ. Общеобразовательное направленіе большинства нашихъ школъ, чуждыхъ религіозно-нравственной исключительности характеризующей магометанскія мектебе и медресе, не находитъ себѣ сочувствія въ народныхъ массахъ, а потому инородцы избѣгаютъ ихъ и охотнѣе отдаютъ дѣтей своихъ въ обученіе къ мулламъ нежели въ русскія школы. Явленіе это давно уже подмѣчено людьми посвятившими себя дѣлу народнаго образованія, и

вотъ какъ, между прочимъ, выражается по этому поводу г. Ильминскій въ одной неизданной запискѣ трактующей объ этомъ предметѣ:

„Заводимыя нынѣ земствомъ и учебнымъ вѣдомствомъ русскія сельскія школы, почти совершенно чуждыя христіанско-религіознаго воспитанія, народу не симпатичны. Онѣ не могутъ бороться съ магометанскою силой, но притомъ и свѣтскаго или реальнаго образованія, основательнаго и полезнаго, дать не могутъ.“

И въ другомъ мѣстѣ:

„Для пользы дѣла нужно освободить братскія школы * отъ наблюденія постороннихъ, въ особенности же земскихъ людей и учрежденій, потому что эти посторонніе люди нерѣдко уклоняютъ братскія школы отъ ихъ миссіонерскаго, религіозно-воспитательнаго направленія.“

Мнѣніе это раздѣляетъ также и г. Радловъ, инспекторъ татарскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа.

Такимъ образомъ народныя школы съ религіозно-нравственнымъ направленіемъ и съ преподаваніемъ на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи, въ небольшомъ числѣ содержимыя на средства или при пособіи Братства Св. Гурія, представляютъ тотъ типъ инородческихъ училищъ который изо всѣхъ извѣстныхъ у насъ типовъ наиболѣе соотвѣтствуетъ мѣстнымъ потребностямъ, симпатіямъ населенія и правительственнымъ цѣлямъ, а потому едва ли есть дѣло въ которомъ участіе государства представляется болѣе желательнымъ и умѣстнымъ. Расширеніе крайне ограниченныхъ средствъ нашей миссіи на Востокѣ есть вопросъ государственной необходимости, и настоящее время едва ли не наиболѣе благопріятный моментъ для правительственной иниціативы въ этомъ полезномъ дѣлѣ.

Услуги оказанныя Братствомъ Св. Гурія, совмѣстно съ наиболѣе извѣстными дѣятелями на поприщѣ христіанской миссіи, не ограничились, впрочемъ, учрежденіемъ школъ. Общество это нашло возможнымъ содѣйствовать распространенію христіанскаго ученія также посредствомъ общедоступныхъ книгъ, для чего предпринятъ былъ обширный трудъ перевода Священнаго Писанія и молитвъ на разныя

---

* Миссіонерскія школы содержимыя на средства или при пособіи Братства Св. Гурія.

инородческія нарѣчія, не исключая и тѣхъ которыя извѣстны лишь въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ нашего крайняго Востока. Дѣло это, основаніе коему положено въ 1875 году по мысли и распоряженію митрополита Иннокентія, ведется особою Переводческою коммиссіей учрежденною при Братствѣ Св. Гурія, при содѣйствіи Православнаго Миссіонерскаго Общества, отпускающаго на этотъ предметъ по четыре тысячи рублей ежегодно. Достойно вниманія что въ дѣлѣ этомъ принимали участіе, между прочимъ, и ученики семинаріи и Крещено-Татарской Школы. Печатаніе изданій Переводческой коммиссіи производится подъ наблюденіемъ совѣта Братства, на отвѣтственность котораго возложена и цензура ихъ. Само-собою разумѣется что желательное распространеніе этихъ изданій могло быть обезпечено только при условіи безвозмездной раздачи ихъ инородцамъ. Взглядъ этотъ повидимому раздѣлялъ и совѣтъ Миссіонерскаго Общества, ибо имъ сдѣлано было по этому поводу соотвѣтствующее распоряженіе. Къ сожалѣнію, скудныя средства частнаго миссіонерскаго общества не позволяютъ поставить это дѣло въ уровень съ дѣйствительными потребностями, а потому и здѣсь недостатокъ правительственнаго участія даетъ себя чувствовать самымъ нагляднымъ образомъ.

Всѣ миссіонерскія учрежденія Казанской губерніи (въ томъ числѣ и Переводческая коммиссія) обходятся Миссіонерскому Обществу въ одиннадцать тысячъ рублей ежегодно, на Уфимскую же губернію отпускается всего восемьсотъ рублей на школы. Очевидно что при этихъ условіяхъ о какомъ бы то ни было процвѣтаніи христіанской миссіи въ Уфимской губерніи, гдѣ между тѣмъ магометанскій элементъ составляетъ болѣе 54% населенія, не можетъ быть и рѣчи; такимъ образомъ дѣло стоитъ не за недостаткомъ людей или правильно выработанной системы, а за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, изысканіе коихъ во всякомъ случаѣ должно составить предметъ безотлагательныхъ заботъ правительства.

Впрочемъ, равнодушіе правительственныхъ органовъ къ интересамъ православной миссіи на Востокѣ обнаруживалось до сихъ поръ не только въ безучастномъ отношеніи къ дѣлу, оно проявлялось порой и активно въ упраздненіи учрежденій несомнѣнно полезныхъ. Такъ въ 1870 году упразднено миссіонерское отдѣленіе при Казанской Духовной Академіи,

просуществовавшее всего 20 лѣтъ и офиціально признанное не принесшимъ ожидавшейся отъ него пользы. Обвиненіе это едва ли справедливо, и если отъ отдѣленія ожидалось болѣе того что̀ оно въ дѣйствительности дало, то въ этомъ можно скорѣе винить тѣхъ на чьей обязанности лежало опредѣлить въ подробностяхъ возлагавшіяся на него задачи. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать что миссіонерское дѣло обязано отдѣленію выработкой новыхъ методовъ перевода книгъ Св. Писанія для инородцевъ и нынѣшней системы инородческаго образованія. Миссіонерское отдѣленіе Академіи воспитало притомъ людей которые и теперь еще съ пользой трудятся на этомъ спеціальномъ поприщѣ какъ въ ближайшихъ приволжскихъ мѣстностяхъ, такъ и въ крайнихъ предѣлахъ нашихъ средне-азіятскихъ владѣній.

Если въ интересахъ успѣха христіанской миссіи необходимы учителя владѣющіе мѣстными нарѣчіями, если нужны переводы церковныхъ и богослужебныхъ книгъ, то очевидно что еще болѣе насущную потребность составляетъ духовенство могущее отправлять богослуженіе на языкѣ понятномъ для прихожанъ. Потребность эта, понятная сама собою, подтверждается самымъ нагляднымъ образомъ—практикой показывающею что церкви посѣщаются гораздо болѣе въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ богослуженіе производится на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи. Мѣстные инородцы и даже крещеные Татары не отпавшіе еще отъ христіанства очень любятъ церковное благочиніе и обрядность; сколько-нибудь стройное пѣніе привлекаетъ ихъ въ церковь массой; пониманіе богослуженія очевидно еще болѣе способствуетъ ихъ религіозной ревности, а потому подготовка священно-служителей знающихъ мѣстныя нарѣчія могла бы сильно подвинуть христіанское дѣло въ Краѣ. Въ этихъ видахъ признано было полезнымъ допустить на священно-служительскія должности въ инородческіе приходы воспитанниковъ миссіонерскихъ инородческихъ школъ не обязывая ихъ проходить богословскій курсъ семинарій. Мнѣніе это, одобренное Государемъ Императоромъ, разработано и предложено къ руководству указомъ Св. Синода въ 1867 году; тѣмъ не менѣе осуществленію этого проекта до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ препятствовало поставленное при этомъ условіе чтобы кандидатамъ на означенныя должности минуло 30 лѣтъ. Такъ какъ наши миссіонерскія воспитательныя

учрежденія основаны очень недавно, то лицъ удовлетворяющихъ этому условію оказалось весьма немного, а потому до сихъ поръ на священно-служительскія должности окончившихъ инородческія миссіонерскія школы поступило лишь 12 человѣкъ, изъ коихъ 8 священниковъ, 3 діакона и 1 псаломщикъ. Хотя въ будущемъ и можно ожидать что контингентъ лицъ могущихъ съ пользой для дѣла занять вышеупомянутыя должности увеличится, но, по незначительному количеству подготовительныхъ школъ, число оканчивающихъ курсъ едва ли будетъ находиться въ соотвѣтствіи съ дѣйствительною потребностью, а потому введеніе преподаванія инородческихъ нарѣчій въ духовныхъ семинаріяхъ нашихъ восточныхъ губерній едва ли не повело бы къ скорѣйшему достиженію желаемой цѣли. Но не въ этомъ одномъ условіи заключается причина непопулярности нынѣшняго православнаго духовенства среди инородцевъ, она кроется въ общихъ и отчасти независящихъ отъ него самого недостаткахъ, слишкомъ хорошо извѣстныхъ чтобъ о нихъ нужно было распространяться. Не вдаваясь въ изслѣдованіе этого общаго недуга, изысканіе причинъ котораго не можетъ входить въ программу этого небольшаго труда, нельзя не замѣтить однако что на нашемъ Востокѣ, среди племенъ чуждыхъ православію, отвлекаемыхъ отъ него вліяніемъ магометанства и требующихъ особаго ухода для укрѣпленія ихъ въ духѣ христіанскаго вѣроученія, необходимы были бы на священно-служительскихъ должностяхъ люди по преимуществу безкорыстные, усердные и преданные своему дѣлу, необходима была бы безусловная отмѣна поборовъ за требы являющихся однимъ изъ главныхъ аргументовъ мѣстныхъ инородцевъ противъ *слишкомъ дорогаго* для нихъ христіанства; все это, къ сожалѣнію, составляетъ такія условія которыя русскій человѣкъ привыкъ считать неосуществимыми. Во всякомъ случаѣ, пока эти условія не осуществятся, до тѣхъ поръ магометанская интрига всегда будетъ пользоваться ими въ своихъ интересахъ и едва ли можно сомнѣваться что подобное орудіе въ искусныхъ рукахъ можетъ создать христіанской миссіи такія затрудненія противъ коихъ окажутся безсильными всѣ прочія усовершенствованія миссіонерской организаціи.

Корысть коей не чуждо наше духовенство объясняется и оправдывается отчасти ограниченностью его содержанія.

Проводить въ этомъ случаѣ параллель между нимъ и магометанскимъ духовенствомъ, довольствующимся самымъ скуднымъ пособіемъ отъ общества, было бы конечно неправильно, ибо сравнительно образованный священникъ естественно пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ образованіемъ и такія привычки и потребности которыя чужды невѣжественному муллѣ. Изысканіе способовъ къ обезпеченію священниковъ составляетъ также вопросъ требующій спеціальнаго изученія. Но что̀ можетъ и должно быть устранено помимо какихъ бы то ни было существенныхъ реформъ въ самой организаціи нашего духовнаго вѣдомства, это—равнодушіе нашего духовенства къ своему дѣлу, полная апатія, необъяснимый индиферентизмъ къ своему высокому христіанскому просвѣтительному призванію. Недостатки эти, ощущаемые вездѣ, извѣстны быть-можетъ еще болѣе лицамъ завѣдующимъ епархіями нежели самимъ прихожанамъ, а между тѣмъ борьба высшаго духовнаго начальства съ этимъ зломъ большею частью не приводитъ къ ощутительнымъ результатамъ, и дѣло остается въ прежнемъ положеніи.

Констатируя этотъ фактъ нельзя не обратить вниманія что онъ является новымъ аргументомъ въ пользу увеличенія числа инородческихъ миссіонерскихъ школъ основанныхъ на современныхъ, испытанныхъ началахъ, съ тѣмъ чтобы школы эти поставляли новый контингентъ дѣятелей на священнослужительскомъ поприщѣ изъ мѣстныхъ жителей, непосредственно заинтересованныхъ въ успѣхѣ процвѣтанія христіанства среди одноплеменныхъ имъ народовъ и потому могущихъ отнестись къ своему дѣлу съ усердіемъ и безкорыстіемъ которыя въ данномъ случаѣ необходимы.

Не утѣшительнымъ окажется положеніе христіанства въ Казанской и Уфимской губерніяхъ и въ томъ случаѣ если взглянуть на него сквозь призму статистическихъ цифръ. Недостатокъ церквей и духовенства ощущается безусловно, а въ особенности если сравнить многолюдность нашихъ приходовъ съ приходами магометанскими. Вотъ что̀ показываютъ эти цифры:

	Прихожанъ обоего пола.	Духовенства.	Приходовъ.	Средняя величина прихода.
а) *Въ Казанской губ.:*				
Православныхъ.........	1.288.678	782	422	3.054 душъ.
Магометанъ	569.305	1.044	725	785 „
б) *Въ Уфимской губ.:*				
Православныхъ.........	667.626	369	213	3.134 „
Магометанъ	891.650	1.877	1.220	739 „

Примѣчаніе 1. Въ числѣ духовенства православнаго показаны священники и діаконы, въ числѣ магометанскаго—хатыпы и имамы.

Примѣчаніе 2. Наибольшая и наименьшая величина православныхъ приходовъ выражается слѣдующими цифрами:

Въ Казанской губерніи отъ 366 до 12.431 души обоего пола.
„ Уфимской „ „ 611 „ 14.316 „ „ „

Колебанія въ численности магометанскихъ приходовъ гораздо менѣе значительны.

Цифры эти достаточно краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Будучи сопоставлены съ приведенною выше статистикой народнаго образованія, онѣ помимо какихъ бы то ни было иныхъ обстоятельствъ и соображеній достаточно выясняютъ въ чемъ именно заключаются главныя трудности борьбы нашей православной миссіи съ невѣжественнымъ, но въ высшей степени дѣятельнымъ и усерднымъ магометанствомъ. Къ прискорбію нужно замѣтить еще что препятствія къ увеличенію числа православныхъ приходовъ, а слѣдовательно и уменьшенію многолюдности ихъ, нерѣдко исходятъ оттуда откуда всего меньше слѣдовало бы ихъ ожидать. Часто случается, напримѣръ, что заявленія крестьянскихъ обществъ о желаніи построить церковь и учредить у себя особый приходъ встрѣчаютъ противодѣйствіе со стороны мѣстнаго приходскаго духовенства, и замѣчательно что на противодѣйствіе это иногда тратится значительно болѣе энергіи нежели на проведеніе въ средѣ прихожанъ яснаго и правильнаго пониманія истинъ христіанскаго вѣроученія. Не мудрено что при такихъ условіяхъ невѣжество въ вопросахъ вѣры выходитъ за всякіе предѣлы вѣроятности не только среди христіанъ инородцевъ, но даже и среди кореннаго русскаго православнаго населенія. Такъ въ русскихъ деревняхъ мальчики 14—15 лѣтъ не только не знаютъ ни одной молитвы, но не умѣютъ даже пересчитать дней въ недѣлѣ. Явленія эти притомъ вовсе не исключительныя, въ особенности въ Уфимской губерніи, гдѣ на 30 деревень можно встрѣтить по крайней мѣрѣ 10 въ коихъ господствуетъ подобное полное невѣжество. Неуваженіе къ христіанскимъ догматамъ, обрядамъ и обычаямъ не менѣе поразительно: изъ отчетовъ приходскихъ священниковъ видно что у исповѣди и причастія во многихъ деревняхъ ежегодно бываетъ едва восьмая часть населенія; кладбища находятся въ крайнемъ запущеніи, не огорожены, на могилахъ никакихъ

знаковъ, нерѣдко даже ни малѣйшей неровности почвы, и сплошь и рядомъ православный людъ не умѣетъ указать мѣста гдѣ покоится прахъ отца, матери, сына и т. п.

Мы имѣли въ рукахъ путевыя записки одного весьма просвѣщеннаго и дѣятельнаго іерарха, объѣзжавшаго Уфимскую епархію. Приводимъ для примѣра небольшую хотя и весьма характеристическую выдержку изъ этихъ въ высшей степени интересныхъ и обстоятельныхъ записокъ. Относится она къ 1879 году.

„Въ Воскресенскій заводъ * прибыли мы когда уже смеркалось совершенно, почему подъѣхали прямо къ дому священника, тѣмъ болѣе что моросилъ довольно частый дождикъ. На завтра, въ раннее сырое и холодное утро 30 августа, мы отправились въ церковь къ слушанію утрени. Въ этомъ заводѣ, нѣкогда Пашкова, теперь переданномъ какому - то Англичанину, большая половина заводскихъ зданій остается совсѣмъ безъ дѣла. Церковь хорошая, прочная, длинная, каменная. Послѣ утрени мы вступили въ бесѣду съ народомъ и дѣтьми. Нашли мальчика который читалъ *Вѣрую* и даже Заповѣди, учился въ школѣ— учили, говоритъ, учитель и батюшка. Выставили намъ почти ребенка, четырехлѣтняго мальчика который по мѣсту былъ въ своемъ родѣ чудо: читалъ *Богородице*, *Отче нашъ*, *Святый Боже*, *Пресвятая Троица* и половину *Символа*. Но только и было отраднаго. Дѣвочки почти никакихъ молитвъ не знали. Одна даже плакала: ничего, дескать, не знаю. Иконъ дѣвочки не видали и различать ихъ вовсе не умѣли. А народъ такой чистый. Видны еще слѣды заводскаго благосостоянія. Теперь народъ этотъ переживаетъ тяжелую для себя эпоху—переходъ изъ рабочаго заводскаго уклада на земледѣльческій, а неземледѣльцу браться за соху не легко. Школа, повидимому, не оставила никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ. Мракъ невѣжества здѣсь почти безпросвѣтенъ. Священникъ старый. Не хотѣлось мнѣ его тревожить и самому тревожиться предъ предстоявшею службой литургіи. Тѣмъ не менѣе я началъ рѣчь къ народу что вотъ: „„вы на„родъ заводскій. Вотъ эта толпа дѣтей не различаетъ важ„нѣйшихъ иконъ Христа Спасителя и Богородицы. Не зна„ютъ никакихъ молитвъ. Родители, вотъ, озаботились одѣть

* Стерлитамакскаго уѣзда.

„ихъ чистенько, а пріукрасить душу не озаботились. Не до-
„статочно построить этотъ храмъ, покрыть его, оштукату-
„рить, выбѣлить, покрасить,—нужно и освѣтить его. Для
„этого пробиты въ немъ окна чтобы свѣтилъ сюда свѣтъ
„солнечный, для этого же повѣшены паникадила, поставле-
„ны подсвѣчники. Ну, а въ душахъ что̀? Быть-можетъ онѣ
„хороши эти русскія души, да ничего въ нихъ не увидишь.
„А всего печальнѣе что сами-то онѣ ничего не видятъ. Мракъ
„безпросвѣтный, разумнаго свѣта въ нихъ ни одного луча.
„Вотъ Татары, Башкиры по сосѣдству учатъ своихъ дѣтей
„вѣрѣ и молитвамъ, дѣти Татаръ и Башкиръ знаютъ, мнѣ
„случалось спрашивать, какой они вѣры: магометанской, ска-
„жутъ; вѣруемъ въ Бога и въ Магомета Его пророка. А ва-
„ши дѣти вѣдь не знаютъ въ кого они вѣруютъ, какой они
„вѣры. Ну, ты, дѣвочка, скажи, какой ты вѣры?—Не знаю,
„батюшка.—А вотъ, ты дѣвочка, въ кого ты вѣруешь?—Не
„знаю батюшка"". „Такъ, говорится дальше въ запискахъ,
переспросилъ я всѣхъ стоявшихъ тутъ дѣвочекъ, и какъ ни
переворачивалъ я вопросъ, все же получалъ одинъ только
отвѣтъ: не знаю, батюшка. Обратился я къ мальчикамъ:
мальчикъ, скажи, какой ты вѣры?—Не знаю, батюшка.—
Ну ты, милый мальчикъ, спросилъ я того ребенка кото-
рый зналъ такъ много молитвъ,—какой ты вѣры? Ребенокъ
смутился и замялся.—Ну, этотъ еще совсѣмъ дитя, сказалъ
я, и обратился къ школьнику который читалъ *Вѣрую* и
Заповѣди.—Христіанской, отвѣчаетъ этотъ увѣренно.—Ну, а
ты, спрашиваю другаго 15лѣтняго мальчика, скажи, какой
ты вѣры?—Не знаю, батюшка.—Я развелъ руками."

„И это полнѣйшее невѣжество", говоритъ авторъ записокъ,
„эта глубочайшая спячка и тупость повальны и всеобщи".

И дѣйствительно, во всѣхъ этихъ запискахъ проглядываетъ
живѣйшее негодованіе къ невѣжеству, индиферентизму, ко
всему что̀ касается духовной стороны жизни. А между тѣмъ,
рядомъ съ этою непостижимою апатіей совершенно проти-
вcovoложное явленіе среди инородцевъ, не говоря уже о ма-
гометанахъ. Такъ, напримѣръ, въ тѣхъ же запискахъ встрѣ-
чается нѣсколько эпизодовъ такого рода. Проѣзжаетъ ав-
торъ ихъ Черемисскою деревней, заходитъ въ Чере-
мисскую *языческую* школу, съ учителемъ *также язычни-
комъ* (питомцемъ Уфимской языческой школы), и здѣсь, къ
немалому удивленію своему, находитъ икону съ горящею

лампадой, на стѣнахъ картины изъ Священной Исторіи и въ дополненіе ко всему стройный хоръ мальчиковъ пропѣвшихъ *Достойно*, *Отче нашъ* и *Царю Небесный*. Закону Божію христіанскому обучены лучше нежели въ русскихъ школахъ.

Подобные эпизоды, далеко не единичные, лучше всего доказываютъ что инородцы, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ они не находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ магометанами, не только не враждебны христіанству, но даже обнаруживаютъ явную склонность къ христіанскому просвѣщенію, съ которымъ стараются знакомить своихъ дѣтей помимо всякаго посторонняго къ тому побужденія. Притомъ необходимо замѣтить что вышеприведенный эпизодъ относится къ Черемисамъ которые, сравнительно съ другими инородцами, менѣе сочувствуютъ христіанству, относятся съ бо́льшимъ уваженіемъ къ Корану, мусульманъ считаютъ народомъ любимымъ у Бога, перенимаютъ у нихъ многіе обычаи и охотно отдаютъ дѣтей въ магометанскія школы. Чуваши же и Вотяки обнаруживаютъ больше склонности къ христіанскому вѣроученію, а потому въ успѣхахъ христіанской миссіи едва ли можно сомнѣваться если въ интересахъ ея будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры, если крайняя ограниченность средствъ перестанетъ парализовать въ значительной степени ея добросовѣстныя и искусныя начинанія. Вотъ почему, въ виду стремящейся воспользоваться нашею слабостью и бездѣятельностью магометанской пропаганды, мало-по-малу расширяющей кругъ своего вліянія и угрожающей распространить свой религіозно-нравственный авторитетъ на всемъ протяженіи нашего инородческаго Востока, поддержаніе христіанской миссіи путемъ дѣятельныхъ мѣръ къ организаціи ея на прочныхъ основаніяхъ и къ снабженію ея необходимыми матеріальными средствами и нравственными силами должно входить въ число главныхъ задачъ государства, не только во имя отвлеченныхъ принциповъ цивилизаціи, но и практическихъ интересовъ его внутренней политики.

Б. ЮЗЕФОВИЧЪ.

2007237579